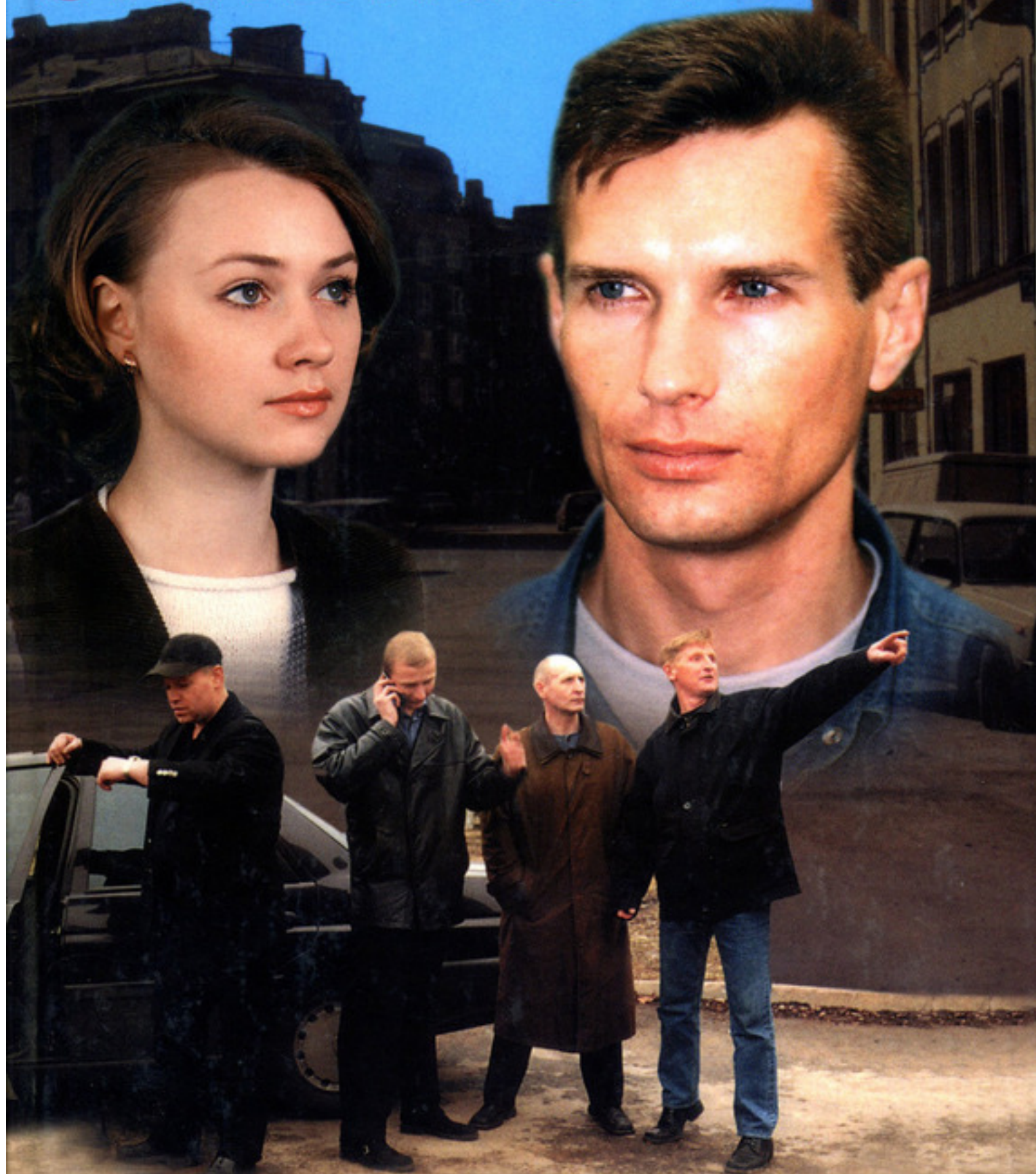

Александр Александров

Тот, кто сильнее тебя

Александр Александров
Тот, кто сильнее тебя...

«Автор»

2014

Александров А. В.

Тот, кто сильнее тебя... / А. В. Александров — «Автор», 2014

Волею судьбы главный герой Егор Ермаков попадает в небольшой южный город. Жизненные неурядицы и неудачи преследуют его. Кажется и просвета не видно. Потеряв все, что имел, он подходит к последней черте. И тут начинается та-а-кое!..Наделенный высшей силой он начинает вершить справедливый суд над всеми, кто в его понимании олицетворяет зло: от простых хулиганов и хамов – до бандитов и чиновников... К чему это приведет? Неизвестно... Финал этой захватывающей истории остается открытым, поскольку в конце книги читателю обещано продолжение.

© Александров А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	51
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Александров

Тот, кто сильнее тебя...

*«Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу
вражью, и ничто не повредит вам»
(НОВЫЙ ЗАВЕТ. От Луки святое благовествование)*

Глава 1

Если бы несколько лет назад Егору Ермакову сказали, что вскоре он окажется на берегу Черного моря в обществе юной длинноволосой красавицы, он бы, пожалуй, не поверил. Слишком уж далеко это было от его прежней жизни...

Но вот оно, море, – шумит, плещется в десяти шагах. По кромке песчаного пляжа выстроились широколистые деревья. Чуть дальше – синеют горы... А вот и девушка по имени Яна. Зажмурив глаза, она нежится на солнце.

Народу на пляже немного. Еще не сезон... Столпотворение начнется месяца через два, когда понаедут отдыхающие.

Егор перевернулся на живот и, положив голову на скрещенные руки, окинул взглядом спутницу. Яна смотрелась великолепно. Белый купальник оттенял гладкую нежную кожу цвета спелого персика.

«Русалка, – подумал Ермаков. – Нефертити...»

У Яны была изумительная фигура: тонкая талия, высокая грудь, точеные ноги... Она походила на ожившую мраморную статуэтку.

Приподнявшись, Егор легонько поцеловал ее в горячее от солнца плечо. Яна открыла глаза.

– Что?

– Ничего... – смутился он. – Родинка тут у тебя...

Яна повернула голову и, покосившись на плечо, кокетливо улыбнулась:

– Завлекалочка.

«Какая к черту увлекалочка! Кого завлекать?.. А я? Я уже ничего не значу?»

Он тяжело вздохнул. Настроение было испорчено. И вовсе не из-за какого-то там дурацкого слова. Просто вдруг почувствовалось, как безнадежно они далеки.

«О, женщины!.. Говорил же старина Мопассан: «Даже в те минуты, когда нам кажется, что в таинственном согласии наших, существ, в полном смешении желаний и всех стремлений мы проникли в самую глубь ее души, – слово, одно только слово, случайно сказанное ею, раскрывает наш самообман и, как молния ночью, освещает пропасть, лежащую между нами». Сильно сказано... Может у нее уже есть кто-нибудь?»

Егор взял Яну за руку.

– Пойдем после пляжа ко мне?

– Нет, сегодня не могу.

– А завтра?

– Пока не знаю... Позвони.

Неподалеку, прямо на песке, расположились трое полуодетых мужчин. По виду – командированные. Егор перехватил их любопытные взгляды.

«Завидуют... – с иронией отметил он. – Думают, небось: какую девчонку себе оторвал! А чему, собственно, завидовать?.. Это только кажется, что кто-то другой живет на полную катушку, а ты всегда, как будто на обочине... Иллюзия, обман...»

Ветер донес со стороны моря восторженно-дикие вопли. Какие-то отчаянные пловцы с разбегу бросились в волны, но, не успев далеко отплыть, тут же повернули назад. Вода оказалась слишком холодной.

По календарю уже давно была весна. Но здесь, на юге, это не чувствовалось так остро. Вечнозеленые деревья и отсутствие сугробов делали смену времен года почти незаметной. Иное дело там, где Егор жил раньше... Ему вспомнились бесконечные длинные ночи, вой пурги за оледеневшими окнами и маленький заснеженный город, окруженный безмолвной седой тайгой. В этом городе он когда-то имел все, что нужно человеку для счастья. И однажды – все потерял...

Сюда Ермаков приехал пять лет назад с одним чемоданом в руках. После развода с женой он не стал мелочиться, делить нажитое добро, а просто снял с вешалки выходной костюм, пару рубашек, прихватил еще кое-что из своих личных вещей и, оставив на столе ключи, тихо закрыл за собой дверь.

Отчего жизнь сложилась именно так? Трудно сказать... Поженились они совсем юными, прожили вместе много лет. Конечно, бывало всякое: и ругались по пустякам, и мирились... Но ведь какая была любовь!

– Может, все-таки поедem ко мне? Кагорчику возьмем?..

– Нет. Сегодня действительно не могу... Не обижайся.

Яна лежала рядом, касаясь его плечом, и в то же время была такой недоступной. Словно солнечный луч, она дарила тепло, но поймать, удержать ее в руке было нельзя! Она всегда ускользала...

«Почему все повторяется так похоже? – думал Ермаков, глядя в синее бездонное небо. – Ведь все это уже было не раз... Сначала – жена. Потом – любовница, с которой встречался тайком от жены. Теперь вот Яна... Все происходит одинаково, меняются только лица... Вначале легкий взаимный интерес, перерастающий в симпатию; затем фейерверк чувств, праздник души и тела; и, наконец, апогей – горячка, почти безумие... Когда все так хорошо, все так замечательно... И вдруг – бац! – необратимое отчуждение. Кто-то первым не выдерживает этого сумасшедшего накала страстей и делает шаг назад. И все... Обратно в рай дороги уже нет...»

Порыв ветра разметал Яне волосы, и тонкие русые пряди упали ему на лицо. Егор осторожно убрал их и щекой прижался к ее руке.

«Почему невозможно быть все время с одной? Отчего время безжалостно вырывает и уносит их? В чем смысл этой жестокой игры?»

Перемены – есть условие жизни, сказал мудрец. Ермаков помнил это со студенческой скамьи. Как и знаменитое изречение Гераклита; «Все течет...». Но лишь теперь осознал он всю глубину этих слов, весь их трагический смысл.

«Конечно, – размышлял Егор, – не для каждого перемены заметны. Один всю жизнь к тихому берегу жметя, норовит поспокойнее место найти... Вот он родился, женился, обзавелся детьми, потом – внуками; а там, глядишь, и старость незаметно подошла. И все это – на фоне одного и того же пейзажа, среди знакомых с детства людей. Тишь да гладь. Какие тут перемены?.. А другого судьба как возьмет в оборот, да как швырнет в самую стремнину! Всю шкуру на подводных камнях обдерет! Вот тогда и начнет человек понимать, что значит – течение жизни...»

С пляжа Ермаков возвращался один. Сославшись на дела, Яна уехала на автобусе. Он проводил ее до остановки, а сам пошел пешком. До дома здесь оставалось недалеко... Впрочем, можно ли было назвать это домом? Скорее – пристанищем. Ведь однокомнатная квартира, в которой он жил, не принадлежала ему. Егор снимал ее через знакомых.

Он долго не мог привыкнуть к своему новому жилищу. И часто, просыпаясь по ночам в чужой квартире, среди чужой мебели, с трудом понимал, где находится. А когда возвращался

к действительности – готов был кричать от тоски. Прошное не отпускало его. Да и как иначе, если все, что было дорого, все, чем жила душа – осталось там, за тысячу верст...

Ермаков свернул под арку и остановился напротив вывески «Магазин». Пошарив по карманам, достал деньги. Мелочь решил потратить, а купюру покрупнее на всякий случай оставил – вдруг завтра Яна все-таки надумает с ним встретиться? Будет хоть на что закуску купить. Не станешь же ее угощать супом из пакета.

Сам Егор в этом отношении был неприхотлив. Довольствовался малым... Случались дни, когда у него в холодильнике не было ничего, кроме укропа. Конечно, это не от хорошей жизни. Приходилось экономить на еде, чтобы как-то свести концы с концами. Ведь почти половину всех его доходов поглощала оплата за жилье.

Он вошел в магазин. Маленькая женщина с мрачным одутловатым лицом привычно отпускала товар. Когда настал черед Егора, она скользнула по нему равнодушным взглядом и тихим бесцветным голосом произнесла:

- Слушаю.
- Конфеты «Чародейка» у вас есть?
- Смотрите... Все перед вами...
- А вы, что, не знаете? Или вам трудно ответить?

Она нервно переступила с ноги на ногу, словно скаковая лошадь, и, молча, отвернулась к окну.

Егор беспомощно обвел глазами витрину и узкие ячейки с конфетами у нее за спиной. От разноцветных оберток зарябило в глазах.

- Дайте тогда вон тех... – он ткнул наугад пальцем.

Продавщица лениво облокотилась на стеллаж с конфетами и, по-прежнему не глядя на него, поинтересовалась:

- Этих?
- Нет, правее...
- Этих?

«Она что, специально издевается? – со злостью подумал Егор. – Ведь видит, куда показываю!»

Взвесив конфеты, продавщица спросила:

- Все?

И, получив утвердительный ответ, обратилась к следующему покупателю:

- Слушаю вас.

Ермаков растерянно посмотрел на нее.

- Девушка, вы бы их хоть в пакетик сложили... Или завернули...

Скривив губы, она презрительно пробурчала себе под нос:

- Берет вечно по двести граммов... Еще и пакетик ему подавай!

Егор обомлел... Он хотел сказать ей что-нибудь резкое, но сдержался.

«За что она ненавидит меня? Ведь мы даже не знакомы... Нельзя же так нагло хамить совершенно постороннему человеку. А вдруг я нобелевский лауреат? Или мафиози какой-нибудь? Нет, рано или поздно она нарвется...»

Открыв кодовый замок, Егор зашел в подъезд. Лифт не работал. Он покачал головой, повернулся и отправился наверх пешком.

Остаток дня Ермаков провел дома. Постирал, приготовил ужин. Потом взял книгу и уселся возле раскрытого окна... За чтением не заметил, как стемнело.

Не зажигая свет, он сидел в кресле и смотрел на улицу. В темноте мелькали огоньки сигарет, слышались чьи-то голоса, звон гитары... Теплый ветер шевельнул занавески. Егор ощутил дурманящий запах южных цветов и влажное дыхание моря.

Весна... Время надежд и беспечной любви. Солнце, море, красивые девушки. Что еще нужно?.. Но ему вспомнилась далекая родина. Там сейчас тоже была весна. Егор представил знакомые с детства улицы, дома. Словно наяву почувствовал особенный аромат талого весеннего снега, услышал, как похрустывает на лужах тонкий мартовский ледок.

«Тоска... Неужели опять на всю ночь?»

Ермаков достал из холодильника бутылку вина. Откупорив, налил до краев граненый стакан. Залпом выпил. Стало как будто легче... А что оставалось делать? Иного способа бороться с этими ужасными приступами внезапной тоски он не знал.

«Никого рядом... Если завтра умру, кто пойдет за гробом? Жалкая кучка едва знакомых людей?»

Егор прилег на кровать. Хмель закружил голову... Мелькнула мысль – не повторить ли еще?

Никогда прежде не чувствовал он себя таким одиноким. И даже любовь к Яне не могла избавить его от этого.

Вообще их отношения были довольно непонятными. С одной стороны, Егор испытывал к ней глубокую привязанность, а с другой – недоверие... Поначалу, когда они только начали встречаться, ему показалось, что он наконец-то нашел то, что искал. Ее божественное тело приводило в трепет, а неутолимая, безудержная страсть просто сводила с ума. Она отдавалась ему с жадностью загулявшей самки... После такой женщины мечтать о ком-то еще было, по меньшей мере, неразумно. И Егор начал подумывать о совместной жизни. Однако Яна не торопилась связывать себя серьезными отношениями. Наоборот, всячески подчеркивала свою независимость. Случалось, они не виделись подолгу. Ермаков тяжело переживал разлуку. Конечно, и ревновал ее, и обижался... Но бросить не мог. Это было выше его сил... Впрочем, она тоже, держа Егора на некоторой дистанции, окончательно не порывала с ним. Так и длился этот странный роман, то вспыхивая, то затухая, в течение вот уже двух лет.

Тишину разорвал мощный рев динамиков. Музыка была настолько громкой, что в окнах вибрировали стекла. Ермаков взглянул на часы.

«Половина первого ночи! Какой идиот в это время музыку слушает!»

Егор прислонился к стене... Ну, конечно, сосед! Он и раньше доставал его своими песнями. Но тогда хоть было не так громко. А сейчас, видно, купил новые колонки и решил опробовать.

Пытаясь не обращать на музыку внимания, Ермаков бродил по комнате.

«Ничего, – успокаивал он себя. – Еще пять минут и выключит... Не в лесу ведь живет, понимает – вокруг люди».

Прошло десять, пятнадцать минут, а сосед и не думал униматься. Егор чувствовал, что начинает терять терпение. Казалось, будто в голову один за другим забивают стальные гвозди.

Музыка оборвалась внезапно. И сразу стало непривычно тихо. До звона в ушах...

Егор выпил еще полстакана вина, разделся и лег в постель. Теперь надо было заставить себя уснуть.

Глава 2

В страховой фирме, где Ермаков работал менеджером, был обеденный перерыв. Часть сотрудников, перекусив в местном буфете, разошлась по своим местам, а часть отправилась на перекур. Егор тоже пошел со всеми, хотя сам не курил.

– Вот у кого в личной жизни полный порядок! – воскликнула Леночка Румянцева, увидев его. – Какой мужчина!..

Егор снисходительно промолчал.

«Полный порядок! Знала бы ты... А впрочем? Пусть думают. Должно же хоть у кого-то быть все хорошо».

К комплиментам в свой адрес Ермаков привык. Даже генеральный директор и тот как-то заметил, что у него – «героическая внешность».

– Знаете, – весело прошептала Леночка, – в чем разница между образованным и необразованным человеком?

– В чем? – поинтересовался страховой агент Васин.

– В том, что необразованному человеку достаточно отличать кобеля от суки.

– А образованному?

– А образованному надо отличать... – Леночка артистично выдержала паузу и затем скороговоркой произнесла. – Гегеля от Гоголя, Гоголя от Бебеля, Бебеля от Бабеля, кобеля от суки...

Васин выпустил дым из ноздрей и спросил:

– Ты сама-то хоть знаешь, кто такой Бебель?

– Знаю, не волнуйся.

– А Бабель?

– Это кто по бабам ходит! – подал голос из дальнего угла охранник Зименков.

Табачный дым колыхнулся от смеха.

– Кстати, о бабах... – оживился Васин. – Сегодня утром, пока на работу ехал, с двумя познакомился.

– Что, прямо так сразу и с двумя? – уточнила Леночка.

– Почему сразу? Сначала – с одной, потом – с другой. Вот телефончики...

Васин достал из кармана помятый листок.

– Счастливый, – вздохнул Зименков. – А я сразу с двумя знакомиться не могу.

– Почему?

– Не знаю... Не могу – и все! Хотя, может быть, и зря... Вот тоже ехал не так давно, в автобусе. И вместе со мной – девушка. Я еще на остановке на нее внимание обратил. Красивая... Ну вот, едем-едем, а потом она мне и говорит: «Вы на следующей выходите?» – «Нет», – отвечаю. А она: «Жаль». Я растерялся... «С вами бы, – говорю, – вышел». – «Так пойдете!» – зовет.

– Ну и что? – наострил уши Васин.

– Она вышла, а я стою как дурак... У меня ведь в это время с другой девушкой роман был. Зименков затянулся сигаретой и грустно добавил:

– Но самое интересное, что через месяц моя подруга меня бросила.

Все замолчали, повисла неловкая тишина.

– Дурак ты, Паша, действительно... – подытожил Васин. – Уж я бы такой момент не упустил!

Егор посмотрел на Зименкова. Этот немногословный здоровяк вызвал в нем теплые чувства. Захотелось его ободрить.

– Правильно сделал. Не слушай никого.

– Правильно? Ты так считаешь?

– Да... Ведь ты любил свою девушку, дорожил отношениями?

– Конечно.

– Даже если бы она ничего не узнала о твоём параллельном романе, все равно через месяцы бы расстались. Так?.. С той только разницей, что на тебе висело бы чувство вины. А это пережить намного тяжелее.

Ермаков подошел к окну. Отщелкнув задвижку, распахнул створки. Свежий воздух хлынул в комнату.

– У нас вчера приключилось... – сообщила Леночка, подкрашивая губы. – Вечером, поздно уже, смотрим с сыновьями телевизор. Вдруг – звонок в дверь. Спрашиваю: «Кто?». В ответ – тишина... И опять – «Дзинь!» Я снова – «Кто?» Ни звука... Но слышу – за дверью кто-то есть... Потом стучаться начали. Я испугалась...

– И чем кончилось?

– Да ничем... Оказалось – это приятель к старшему сыну приходил.

– Он что, сказать не мог?

– А он глухонемой...

Деятельность Ермакова мало чем отличалась от работы страховых агентов. Он так же, как они, заключал договоры с фирмами и жил на проценты со сделок. Только, ко всему прочему, в обязанности ему вменялось координировать их действия. Это осложняло жизнь, но зато позволяло иметь хоть какой-то стабильный оклад.

И все равно денег постоянно не хватало. Многое зависело от фортуны. В один месяц можно было заработать неплохо, зато потом – два сидеть на мели... Поначалу это не очень ощущалось, но со временем стало угнетать.

Приходилось все время крутиться. Случалось, за день Егор успевал побывать в трех-четырех фирмах, в разных концах города. Это с учетом того, что первую половину дня он обычно проводил в офисе.

Такой режим выматывал. Вернувшись в пустую квартиру, Ермаков долго не мог уснуть. Дым воспоминаний туманил разум. Иногда начиналось казаться, что все хорошее в жизни уже было. И все, что осталось – это боль, тоска и ночи, полные одиночества.

– Можно? – в кабинет заглянула Леночка. – Один звонок... У нас телефон постоянно занят. Не подступиться...

– Звони, – разрешил Егор.

Леночка встала рядом, слегка касаясь его теплым пышным бедром. Егор уловил резкий, сладковато-терпкий запах ее духов.

– Никто трубку не берет, – пожаловалась она и присела чуть поодаль. – Я тебе не мешаю?

– Нет, – пожал плечами Егор.

Хотя, если честно, Леночка, конечно, мешала. Ермаков терпеть не мог, когда во время работы рядом с ним находился кто-нибудь еще. Это не давало сосредоточиться... Но что делать? Не будешь же ее выгонять!

– Ты в магнитофонах разбираешься? – спросила Леночка.

– А что?

– Магнитофон у меня сломался. Играл, играл – и вдруг перестал.

– Увы, – развел руками Егор. – В технике я не силен.

– Жаль... Скучно без музыки. Все выходные буду дома одна. Муж ребят с собой в рейс берет... Придется скучать в одиночестве.

Леночка томно потянулась, выгнув спину и чуть приподняв круглые загорелые коленки. Подол платья вызывающе обтянул полные бедра... Егор успел заметить соблазнительно мелькнувший край голубого атласного белья.

«Похоже, это намек...» – с волнением подумал он.

Им овладело какое-то странное беспокойство. И хотя никогда раньше она не нравилась ему, мгновенно вспыхнувшее желание заставило позабыть обо всем.

– А ты пригласи кого-нибудь в гости. Тогда скучать не придется.

– Кого?

Ермаков замер и чуть было не произнес «Меня!», но в этот момент спасительно зазвонил телефон.

Он поднял трубку... Какую-то фирму заинтересовало его предложение. Просили уточнить некоторые детали.

Видя, что Егору сейчас не до нее, Леночка тихо покинула кабинет.

Тут надо сказать, что Леночка Румянцева была полнотелой сорокалетней женщиной, и правильное следовало бы называть ее Еленой Владимировной. Но все отчего-то звали – Леночкой...

Солнце добела раскалило город. Все вокруг дышало жаром: и стены домов, и черные ленты асфальта, и блестящие крыши машин... Если бы не молодая зелень и цветы на фруктовых деревьях, можно было подумать, что уже наступило лето.

Держа под мышкой кожаную папку, Ермаков быстро шагал по улице. Настроение было неважным. Намеченная на сегодня сделка не состоялась... В пятый раз он приезжал в одну и ту же фирму – и никак не мог подписать договор. Генеральный директор важно надувал щеки, вносил в документы какие-то пустяковые поправки, но принять окончательное решение не спешил.

«Как он вообще руководит? – недоумевал Егор. – С такой ерундой разобраться не может... Если передумал – так и скажи!»

На ходу расстегнув ворот рубашки, он свернул в прохладу тенистого сквера. Возле фонтана была свободная скамейка. Ермаков устало опустился на сиденье и с облегчением вытянул ноги.

Мимо то и дело проходили люди. Егор провожал их равнодушным взглядом, думая о своем...

В дальнем конце аллеи показалась странная пара – невысокая худая женщина и девочка, лет десяти. Станным было то, как они двигались: какими-то зигзагами, рывками, с короткими непонятными остановками... Когда они подошли ближе, Ермаков понял, в чем дело – женщина была пьяна. Девочка помогала ей идти.

Они приблизились к фонтану. И тут женщина взбрыкнула:

– Куда ты меня ведешь?

– Домой.

– Зачем?

– Спать.

– Спа-а-ать!? Мы сейчас купаться будем!

Женщина рванулась к фонтану, но оступилась и, не удержавшись на ногах, плашмя упала на пыльный асфальт. Девочка бросилась к ней.

– Мама! Мама!

Та подняла от земли лицо, с пьяной усмешкой тряхнула короткими выбеленными волосами.

– Вставай, мама! Вставай! – дочка пыталась ее поднять.

– Уйди!

– Люди же кругом!

– Да пошли они!.. – женщина смачно выругалась.

Прижав ладони к лицу, девочка заплакала от бессилия.

Прохожие с любопытством наблюдали за происходящим. Некоторые осуждающе качали головами... Егор не знал, как поступить. Ему было неловко и так жаль эту несчастную девочку, что впору самому прослезиться.

«Но чем я смогу ей помочь? Чем?.. – мучительно размышлял он. – Подойти, проявить участие? А если меня не так поймут? Подумают, что пристаю к пьяной женщине...»

Проще было уйти. Какое, в конце концов, ему дело? Пусть сами разбираются... Но что-то не давало бросить этих горемык на произвол судьбы.

Наконец он решился.

– Давайте, помогу... – Егор наклонился над лежащей женщиной. – Встаем! Оп!..

Ермаков обхватил ее руками за туловище и рывком привел в вертикальное положение.

– Обопритесь на меня... Вот так... Теперь потихоньку...

Поддерживаемая с двух сторон дочкой и Егором, женщина послушно сделала несколько шагов. Но вдруг остановилась.

– Ты кто такой?

– Я? – Ермаков слегка растерялся. – Я просто хочу вам помочь.

– Не надо!

– Но...

– Руки! – неожиданно звонко закричала она. – Убери руки, сволочь!

Прохожие обходили их стороной, бросая недоуменные взгляды. Очевидно, хотели понять – что происходит? Егор от стыда готов был провалиться сквозь землю.

«Ну, что, помог?.. Доволен?»

Он развернулся и, не оглядываясь, пошел прочь. Но не успел отойти, как услышал позади звук упавшего тела.

Егор повернулся... Девочка беспомощно смотрела на него.

– Далеко живете?

– Далеко... – всхлипнула она.

Сердце Ермакова разрывалось от жалости. Надо было что-то предпринять.

– Выход один – ловить такси.

– Де-е-енег не-е-ет! – нараспев произнесла девочка, размазывая по лицу слезы.

– На... – Егор протянул ей несколько купюр. – Этого хватит.

– Не-е-ет! – замахала руками она. – Я не возьму-у-у!

– Бери, тебе говорят! Потом отдадите... Вот визитка.

Он сунул ей в ладонь деньги и визитную карточку.

– А теперь заходи с той стороны... Взяли!

Вдвоем они подняли женщину с асфальта. Она почти не сопротивлялась. Лишь что-то тихо бормотала себе под нос.

Остановив машину, Ермаков посадил их на заднее сидение и с удовлетворением хлопнул дверцей.

На душе было легко. словно он сделал какое-то очень важное и нужное дело. И даже потеря денег его не особенно огорчала.

Глава 3

С утра зарядил дождь. Крупные капли косо били в стекло и тонкими ручейками стекали вниз, оставляя за собой узкие прозрачные полосы.

Егор собирался на работу... Выгладив рубашку, он допил остывающий чай и, застегиваясь на ходу, выскочил на площадку.

Возле лифта столкнулся с соседкой – пожилой сухонькой женщиной из квартиры напротив.

– Марь Семенна, здрасьте!

– Здравствуй, Егор.

– Как живете? Давно вас не видел.

– Плохо... Болела месяц. А пришла домой – опять расстройство. Потолок течет... У тебя-то не отсыревает?

– Нет.

– А у меня – сильно. Как дождь – так сверху и капает.

– Обратитесь к коммунальщикам... Починят.

– Да уж была там не раз. Все без толку – одни обещания. Не больно-то на старуху смотрят... Может, ты бы зашел как-нибудь? Вон, какой представительный! Тебя бы послушались...

– Ладно.

Ермаков шагнул в раскрывшиеся двери лифта и сквозь шум сходящихся створок услышал:

– Спасибо! Спасибо тебе!

Несмотря на непогоду, Егор чувствовал себя превосходно. И не без причины... Сегодня они должны были встретиться с Яной.

По улице он летел как на крыльях. Едва переступив порог кабинета, сразу бросился к телефону.

– Алло, – полусонным голосом ответила Яна.

– Привет! Ты еще спишь?

– Сплю.

– Пора подниматься... Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало!

– Ну да, солнце... Вон как дождь поливает.

– А ты представь, что все равно – солнце... Представила?

– Ага.

– Теперь улыбнись... Улыбнулась?

– Да.

– Вот и замечательно! Ну что, мы сегодня увидимся?

– Ты знаешь... – последовала пауза. – Наверное, не получится.

У Егора оборвалось сердце. Как будто с разбега он врезался в стену.

– Почему? Ведь мы вчера договорились... Что-нибудь случилось?

– Нет. Просто сегодня никак...

– А завтра?

– Завтра я работаю.

Ермаков опустил трубку. Ворот рубашки давил шею, мешал дышать. Он с остервенением рванул его...

«Ну и пусть! Ну и ладно!»

Ни о чем другом думать Егор уже не мог. Поэтому отправился просто бродить по городу. Вскоре самообладание вернулось к нему.

«Живи, как хочешь. Я тоже начну другую жизнь... Прямо сегодня, сейчас!»

Дождь кончился, и притихшие улицы снова заполонил народ. Ермаков разглядывал встречающих девушек. Среди них попадались очень даже симпатичные.

Незаметно он оказался в районе порта. Дальше пути не было – впереди плескалось море. Егор хотел вернуться, но вдруг заметил на пирсе ребят. Они удили рыбу.

– Клюет? – поинтересовался Ермаков.

– Еще как! – с готовностью ответил вихрастый конопатый мальчу-ган.

– На что ловите?

– На рачка.

Паренек достал из банки пару ярко-красных креветок.

– Вареные, что ли? – удивился Егор.

– Нет... Мы их солью засыпаем.

Мальчишка отрезал ножом кусочек, насадил на крючок и, крутанув над головой свинцовое грузило, забросил снасть в море.

– На донку?

– Ага. На поплавочную удочку здесь мало кто рыбачит. Глубоко...

– И что за рыба?

– Разная... Бычки, кефаль, барабуля... А вчера дядька вон с того пирса здоровенного каракоса поймал. Килограмма на три...

– Каракос? Ни разу не видел. И даже не слышал.

– Вань, покажи.

Конопатый повернулся к своему другу, такому же загорелому белобрысому пацану. Тот засунул руку в полиэтиленовый пакет и извлек оттуда широкую серебристую рыбину, похожую на подлещика.

– Только этот поменьше, конечно... Граммов восемьсот.

– Неплохо! – одобрительно произнес Егор, рассматривая трофей. – А у нас на севере, где я раньше жил, – совсем другая рыба. И ловят по-другому... Сейчас там еще все подо льдом. Вот такой лед!

Ермаков показал толщину от земли.

– Не может быть!.. Это же почти метр!

– Ну да! А в январе – еще больше... Сейчас-то уже подтаивать потихоньку начинает. Но до майских праздников – держится... Ни разу весной со льда не ловили?

– Вон он ловил, – белобрысый указал на приятеля. – У него бабушка на севере живет.

– Понравилось?

– Не-а, – поморщившись, протянул конопатый. – Холодно.

– Зимой, конечно... Особенно, если с непривычки... Зато сейчас – благодать! Сидишь, греешься на солнышке и рыбу из лунки таскаешь. По весне иногда можно полный «шарабан» наловить.

– Что наловить?

– «Шарабан»... Это ящик такой, алюминиевый или деревянный, на котором сидеть можно. Рыбы килограммов двадцать войдет.

– Здорово!

– А потом, когда лед растает, хорошо со спиннингом по реке пройтись. Щука на блесну берет, как шальная. Давно, правда, уже не рыбачил... Лет пять...

– Хотите, можете попробовать, – предложил ему голубоглазый паренек. – Возьмите мою донку. У меня их две.

– Давай! – Егор присел рядом на корточки и намотал на указательный палец толстую леску.

– Начнет дергать – сразу подсекайте!

– Понял...

Ермаков ощутил настоящий рыбацкий азарт. Давно уже не сидел он у воды в ожидании поклевки.

Конечно, все здесь было совсем не так. Не хватало главного – единения с природой... Когда вокруг на десятки километров безлюдная тайга, невольно рождается чувство, что ты – частица этого мира. Возникает какая-то особенная сопричастность, когда становятся различимыми каждая мелочь, каждая деталь... Ты начинаешь слышать шелест листьев, шепот травы, журчание ручья. Ты начинаешь понимать пение птиц, и крики зверей, видеть множество красок и оттенков... А здесь – все иначе, все как бы понарошку. Нет ощущения тайны... Привычный шум города ни на минуту не отпускает тебя. Грохот башенных кранов, скрежет лебедек, голоса докеров... И даже белокрылые чайки воспринимаются на этом фоне как часть городского пейзажа.

– У вас клюет!

– Что? – рассеянно переспросил Ермаков и тут же почувствовал, как натянувшаяся леска сдавила ему палец.

– Подсекайте! Ну!...

Егор поддернул и ощутил на том конце волнующую тяжесть. Он быстро начал выбирать леску, стараясь не давать рыбине слабину.

«Хорошее что-то попало. Вон как упирается!»

Преодолевая сопротивление, Ермаков подтянул рыбу к пирсу. В глубине тускло блеснул чешуей ее зеленоватый бок.

Один из парней схватил подсачек и приготовился помогать.

– Осторожнее, не дергайте!

Конопатый мальчуган ловко подхватил рыбину из воды. Она беспомощно забилась в капроновой сетке.

– Ого! – восторженно воскликнул Егор, доставая добычу из подсачека. – Здоровенная!...

А как она называется?

Переглянувшись, ребята рассмеялись.

– Чего хохочете?

– Это же зеленуха!

– Ну и что?

– Она несъедобная.

– Совсем?

– Говорят... У нее много видов. Одни можно есть, другие нельзя... Трудно определить.

Поэтому – лучше выбросить...

– Выходит, это как грибы? Есть хорошие, и есть – поганки!

– Точно.

– Вот и лови после этого! У нас на севере я такого не припомню.

Егор поменял наживку и снова забросил снасть в море. Вскоре опять почувствовал легкие удары по пальцу. Кто-то на том конце настойчиво дергал за леску.

Он быстро подсек и, перебирая руками, потянул. Сопротивление было невелико.

– А эту есть можно? – спросил Ермаков, с интересом разглядывая небольшую бледно-розовую рыбку.

– Это барабуля... Ее можно.

Солнечные блики играли в воде. Мягко накатывались гладкие пологие волны. На отмели буро-зелеными островками просвечивали косматые водоросли.

«Ладно, – подумал Егор. – Побаловался и будет».

Он поднялся, размял затекшие ноги. От долгого сидения на корточках они слегка онемели.

– Спасибо, ребята. Мне пора...

– Чего так мало половили? Сейчас вечерняя зорька будет.

«Как раз, поэтому и ухажу, – усмехнулся про себя Ермаков. – Самое время ловить другую «рыбу»...»

В полумраке кафе Егор заметил белокурую молодую девушку. Небрежно затягиваясь сигаретой, она со скучающим видом поглядывала по сторонам.

«Если никто не опередит – подсяду», – решил он и, заказав сто граммов коньяку, протянул бармену деньги.

– Помельче у вас нет? – осведомился тот. – Сдавать совершенно нечем... Конфет возьмете на сдачу?

– Давайте.

Бармен поставил перед ним коньяк и выложил пять шоколадных конфет. Забрав их, Егор направился к скучающей блондинке.

– Не занято? – на всякий случай поинтересовался он.

– Свободно.

Пригубив из бокала, Ермаков оценивающе посмотрел на девушку. Выглядела она неплохо: правильные черты лица, ухоженные волосы... Даже сигарета не уменьшала ее женского обаяния.

– Хотите конфету? – предложил Егор.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Не хочу.

– Дали на сдачу... Мне одному столько не съесть.

– Не любите сладкого?

– Люблю. Но для ста граммов коньяка этого явно многовато.

– Возьмите домой, выпьете с чаем.

– Пока донесу – растают.

Ермаков потягивал коньяк и с интересом разглядывал девушку. Чувствовалось, что она тоже не против знакомства. Это придало ему решимости.

– А можно я вас тогда хоть кофе угощу?

– Можно, – великодушно согласилась она.

Егор заказал два кофе.

– С сахаром или без? – уточнил бармен.

Ермаков на секунду задумался, потом нашелся.

– Один с сахаром, другой – без.

Ему было все равно. А девушка в любом случае получала напиток по вкусу.

Он вернулся за столик. Незнакомка благодарно кивнула и взяла чашечку кофе без сахара.

– Как вас зовут? – спросил Ермаков.

– Жанна.

– А меня – Егор.

– Почему-то я сразу подумала, что вы сядете за мой столик.

– Да?.. Отчего же?

– Интуиция.

– Что же еще подсказала вам интуиция?

– Что вы захотите познакомиться.

– Опять угадали... Вы, наверное, студентка?

– В этом году заканчиваю институт.

– Думали уже, куда устроиться? Сейчас ведь с этим непросто. Выпускников без опыта работы не очень-то жалуют. Только по протекции...

– Все это есть. А вы чем занимаетесь?

– Я менеджер. В страховой фирме.

Егор заметил, как по лицу девушки скользнула тень разочарования. Наверное поначалу она приняла его за преуспевающего бизнесмена.

Порывшись в сумочке, Жанна достала сигареты.

– Не возражаете, если закурю?

– Курите.

– А вы?

– Завязал.

– Я бы тоже хотела, но никак не получается.

– Плохо хотите. У меня отец тридцать лет курил, а потом взял – и бросил.

– Мой стаж всего два года.

– Тем более...

От выпитого коньяка Егор слегка захмелел. Приятная теплота разлилась по телу. Девушка, сидевшая напротив, казалась милой и симпатичной. Он чувствовал, что почти влюблен...

«А может, это судьба? Какое у нее лицо! Какие волосы!.. Красивая. И стройная к тому же...»

Уютный полумрак располагал к беседе. Хотелось говорить и знать, что тебя понимают.

«Хорошо, что заглянул именно в это кафе. Иначе где бы мы еще встретились?..»

– Часто здесь бываете? – спросил Ермаков.

– В первый раз... Просто у подруги тут деловая встреча. Я с ней за компанию... Вон она, за угловым столиком.

Егор посмотрел, куда указала Жанна, и увидел темноволосую девушку, говорящую по сотовому телефону. Рядом сидел молодой коротко стриженный мужчина.

– Кстати, – сказала Жанна, – вы не в центр сейчас едете?

– Могу и в центр...

– Не подбросите нас?

«Ах, вот оно что! – понял, наконец, Ермаков. – Думает, что я на машине... Все отчего-то считают, что у меня непременно должен быть автомобиль».

– Увы, ничем не смогу вам помочь... Нет у меня машины.

– Жаль, – искренне огорчилась девушка. – Такой мужчина – и без автомобиля!

Егор почувствовал себя неловко. В глубине души затаилась обида.

«А что, без машины я уже и не мужик? Разве можно так судить о человеке?.. Да, может, я в тысячу раз лучше любого автомобилиста!»

К столику подошла ее подруга.

– Знакомьтесь, – сказала Жанна. – Это Сильвия... А это – Егор.

«Экзотическая девушка, с экзотическим именем», – подумал Ермаков.

У нее были ослепительная улыбка, смуглая кожа и черные, как смоль, выющиеся волосы. Без сомнения, один из ее родителей имел африканские корни.

– Может, шампанского, за знакомство? – оживился Егор.

Девушки переглянулись.

– Нет, – чуть помедлив, ответила Сильвия. – Мы спешим... Не подвезете?

– Он без машины, – пояснила Жанна.

– Ну что ж... Тогда не будем время терять. Извините, у нас дела.

Подруги направились к выходу. Егор поспешил за ними.

– Послушайте, Жанна... Неужели мы расстанемся просто так? Оставьте хотя бы свой телефон.

– Хорошо, – игриво стрельнула глазами девушка. – Записывайте.

Егор торопливо зашарил по карманам, отыскивая авторучку и какой-нибудь листок. Сильвия с понимающим видом отошла в сторону.

Ермаков записал и вслух повторил номер.

– Все верно, – кивнула блондинка. – Звонить лучше вечером... Но не позже одиннадцати.

– Я обязательно позвоню! – радостно воскликнул Егор.

– Буду ждать, – пообещала Жанна и, махнув на прощание рукой, застучала каблучками по асфальту.

Домой Ермаков вернулся в приподнятом настроении. «Вот как в жизни случается, – размышлял он, лежа в постели. – С утра горюешь, а к вечеру – радуешься...»

Девушка Жанна нравилась ему. Предвкушение нового романа заслоняло прежнюю боль... Ни разу за вечер он не вспомнил о Яне. Или просто избегал думать о ней?

Егор в который уже раз представил себе новую знакомую. Нежность теплой волной шевельнулась в груди. А что если он, наконец, встретил ту, о которой мечтал?.. Ермаков решил побыстрее уснуть, чтобы скорей наступило завтра.

...Он уже почти спал, когда за стеной во всю мощь динамиков взревел соседский магнитофон. Ермаков взглянул на часы. Стрелки показывали пятнадцать минут первого.

«Достал уже своей музыкой!» – подумал Егор, садясь на постели.

Возмущала не столько сама музыка, сколько пренебрежительное отношение соседа к окружающим. Ведь, по сути, он брал на себя право распоряжаться личной жизнью совершенно посторонних людей, самостоятельно решая – спать им в данный момент или бодрствовать.

Не зная, как поступить, Ермаков бессмысленно расхаживал по комнате... Наконец он не выдержал.

«Пойду, поговорю... Сколько можно, в конце концов!»

Надев брюки, Егор вышел на площадку. Здесь музыка была еще слышнее. Он остановился перед соседской дверью и потянулся к звонку. Но в последний момент опустил руку.

Было отчего-то неловко... Как себя вести? Что сказать?.. Никогда и никому он не жаловался. Это было не в его правилах. Но сейчас...

«Не просить я пришел, а требовать!» – попробовал завести себя Егор.

Преодолев сомнения, позвонил. Долго никого не было, потом щелкнул запор и дверь приоткрылась.

– Здравствуйте, – произнес Ермаков и хотел войти, но хозяин, оттеснив его, сам вышел на площадку.

– Простите, – смущаясь, продолжил Егор. – Нельзя ли сделать немного потише... Время уже позднее...

Сосед смерил его презрительным взглядом.

– Я у себя дома. И буду делать то, что хочу!

Он был невысок ростом и узок в плечах. Длинные неопрятные волосы сосульками свисали по сторонам. Серые холодные глаза смотрели с насмешливым прищуром.

– Но послушайте... – сказал Егор. – Должны же вы хоть немного уважать окружающих.

Сосед ухмыльнулся... Тонкие ноздри его крючковатого носа нервно затрепетали.

– Уважать? За что вас уважать?.. Лестницу подмести не можете! Я, пацан, с тряпкой ползаю!

«Какой же ты пацан?» – неприязненно заметил про себя Ермаков. – Когда тебе давно уже за тридцать».

– А лампочки? – тем временем продолжал возмущаться сосед. – Почему всегда я должен менять? Четыре квартиры на площадке!.. И двери у вас хлопают очень громко. Я же ничего не говорю!.. Вот когда будете за собой следить, тогда я, возможно, буду вас уважать.

Не прощаясь, он исчез за дверью. Егор стоял, словно провинившийся школьник. На душе было гадко... Мало того, что своего не добился, так еще и отчитали!

Вернувшись к себе, Ермаков задумался. «А может, он прав? Ведь, действительно, площадку я ни разу, сколько здесь живу, не мыл... Лампочки тоже не менял... И двери, в самом деле, стучат».

– Стоп! – сказал он себе. – Причем здесь двери!?

Так можно было дойти до абсурда. Какая разница, стучат у тебя двери или нет? Уважает тебя сосед или не уважает?.. Есть закон, согласно которому после одиннадцати вечера в доме должна соблюдаться тишина. И точка!.. Все остальное никого не волнует.

«Ладно, к этому разговору мы еще вернемся... Не сейчас, но обязательно вернемся».

Он накрылся подушкой и зажмурил глаза.

Глава 4

Проспав до обеда, Ермаков поднялся совершенно разбитым. Болела голова, в руках и ногах – слабость; настроение тоже было так себе... Но едва он вспомнил о своей новой знакомой – сразу все переменилось.

– Любит, не любит... Любит, не любит... – вслух повторял Егор, обрывая лепестки цветущего на подоконнике кактуса. Остановившись на «любит», радостно улыбнулся.

Конечно, в глубине души его терзали сомнения – уж слишком просто все выходило. Но с другой стороны, кто сказал, что чудес не бывает?

Он расправил бумажку с номером ее телефона. Сочетание цифр походило на мистический код, набрав который, можно было открыть заветную дверь к счастью.

«Если бы я ей не нравился, – подумал Егор, – она вряд ли бы оставила свой телефон. А раз так – похоже, у меня есть шанс...»

Ермаков представил себя рядом с ней... Они бы неплохо смотрелись!

«Интересно, кто у нее родители? Похоже, она из хорошей семьи».

Пододвинув к себе телефон, Егор набрал номер. Послышались короткие прерывистые гудки.

«Занято. Говорит, видно, с кем-то... Может, с подругой? Какой у них любопытный контраст: одна – беленькая, другая – черненькая... Как мы с ней – на «ты» или на «вы»? Сказать: «Здравствуйте, Жанна!» или «Здравствуй!» Нет, слишком фамильярно... Зачем спешить?»

Он снова набрал ее номер. Мягкий женский голос произнес:

– Алло.

«Мать», – догадался Егор и как можно любезнее сказал:

– Здравствуйте. Жанну можно?

– Нет здесь такой, – ответила женщина. – Вы ошиблись.

«Странно, – подумал Ермаков. – Что ж это я? Неправильно номер набрал?»

Он положил перед собой бумажный листок и, тщательно сверяя цифры, еще раз прошелся указательным пальцем по кнопкам.

– Алло, – откликнулся прежний голос.

– Извините, – растерянно произнес Егор. – Кажется, я опять не туда... Это номер...

Он назвал цифры.

– Да, – подтвердила женщина, – все верно... Но никакой Жанны здесь не было и нет.

Ермаков пригнулся, как от удара, и закрыл ладонями лицо.

«Зачем она так!.. Зачем!?»

Вовсю бушевала весна. Влюбленные пары гуляли по городу, целовались на солнечных улицах, смеялись и радовались воскресному дню. А Егор страдал от одиночества... Он бродил неприкаянно и мучился оттого, что не с кем было поделиться нежностью и теплом. Это было похоже на жажду, утолить которую мог только другой человек. И осознание того, что появление такого человека прямо сейчас, сию минуту, невозможно, делало ее еще более нестерпимой.

Что оставалось? Пойти к проституткам?... Но Егор исключал это для себя. Во-первых, не было денег; а во-вторых, продажная любовь претила ему. И совсем не потому, что он был таким уж блюстителем нравов. Просто любовь за деньги казалась ему унижительной. Как будто ты настолько ничтожен, что любить тебя можно лишь в качестве одолжения... Разве сравнишь это с тем, когда женщина дарит себя бескорыстно?

Ермаков горько усмехнулся – слишком свежи были воспоминания. Как они с Яной...

Он вздрогнул от внезапной боли.

«Нет-нет! Я не хочу думать о ней! Хватит!»

На душе у Егора творилось бог знает что. Он всеми силами старался забыть Яну, но против его воли она снова и снова возникала перед ним.

Пока Ермаков находился под впечатлением своего нового знакомства, было вроде терпимо. Показалось даже, что порвать с ней не составит труда. Однако после того как рассеялись иллюзии, стало ясно, что все не так просто... Они ведь с Яной не ссорились. И формального повода для разрыва отношений не имелось. Хотя как раз эта неопределенность и была хуже всего. Если бы она прямо сказала, что не хочет больше встречаться, ему было бы легче. А так...

Егор бродил по улицам, тосковал и не знал, куда податься. Солнечная весенняя погода приводила в уныние.

Незаметно для себя он оказался возле винного магазина. Не раздумывая, вошел... И пока выбирал бутылку вина, неожиданно понял, с кем ее разопьет. Леночка!.. Вот кто поможет ему забыть все невзгоды.

Ермаков позвонил ей из ближайшего телефона-автомата. Она была дома одна. Поговорив пару минут, он без труда напросился в гости.

– Проходи, – сказала Леночка, протягивая ему шлепанцы. – Только не пугайся, у меня беспорядок.

Она проводила его в комнату. Ермаков достал из пакета вино, сыр и колбасу.

– Ой, как хорошо! – обрадовалась Леночка. – А то я думала: чем тебя угощать?.. Сейчас нож принесу и тарелки.

Сходив на кухню, она вернулась с посудой.

– А где твои? – поинтересовался Егор, откупоривая бутылку.

– Ушли в море... Я же тебе говорила. Так что теперь пока одна.

Энергично нарезая сыр, Леночка склонилась над столом. Под синим фланелевым халатом, в такт движениям, колыхалась пышная бесформенная грудь. Конец кушака, обтягивающий пологий живот, чиркал по скатерти, Ермаков поймал себя на том, что невольно сравнивает ее с Яной.

«Надо срочно выпить! – нервно подумал он. – Иначе...»

Разлив по бокалам вино, Егор передал один из них хозяйке. Темно-красный напиток искрился на солнце.

– За что пьем?

– За милых женщин.

Леночка сидела рядом. Достаточно было протянуть руку, чтобы обнять ее. Но Ермаков не спешил... Точнее, не мог заставить себя сделать это.

Что же мешало ему? Ведь с точки зрения мужской физиологии все было предельно просто. Если неделю-другую побыть одному, а потом выпить стакан вина – можно переспать практически с любой. Независимо от внешних данных. И он, как любой здоровый мужик, чувствовал эту потребность. Но душа!.. Она противилась, не хотела подчиняться диктату изголовавшегося тела.

«Если бы мы хоть не работали вместе... Переспали – и разошлись. А так ведь придется все время быть с ней рядом».

Егор представил, как Леночка будет заходить в его кабинет, подолгу сидеть напротив. Придется с ней о чем-то говорить, улыбаться... Все сразу поймут в чем дело, станут сплетничать у него за спиной.

«Была бы она молода и красива – тогда ладно. А то ведь со стыда сгоришь... И зачем я вообще сюда приперся?»

– Выпьем? – Леночка пододвинулась к нему. – Вино такое хорошее...

Ермаков натянуто улыбнулся. Ему захотелось встать и уйти. Но вместо этого он предложил:

– На брудершафт!

Леночка охотно согласилась. Переплетя руки, они осушили бокалы.

«Что я делаю!.. Зачем? – ужаснулся Егор, целуя ее в приоткрытые пухлые губы. – Ведь теперь все мосты сожжены».

Он хотел повернуться к столу, но Леночка не пустила. Спрятав лицо у него на груди, она тихо произнесла:

– Я тебе нравлюсь?

– Конечно! – кивнул Ермаков.

А что он еще мог сказать?..

Солнце уходило за горизонт. В узком проеме окна виднелся кусочек вечернего неба. По нему бесшумно чертил тонкую белую линию самолет.

Леночка поднялась с дивана, задернула шторы, Сразу стало темно... Пошарив в шкафу, она достала медный подсвечник и, чиркнув спичкой, затеплила свечу.

– Музыку включить?

– Как хочешь... – пожал плечами Егор.

Он чувствовал себя, словно разорившийся аристократ в лавке старьевщика. Еще недавно у него была лучшая в мире женщина – молодая, красивая, стройная... А сейчас?

Щелкнув клавишей, Леночка включила магнитофон.

– Постой... Ты же говорила, что он у тебя сломан.

– Уже починила. Сама... – Леночка рассмеялась. – Шучу... Просто нужен был повод.

Она провела ладонью по его щеке.

– Гладенький.

– Недавно побрился.

– А я люблю небритых мужчин. И не выношу запах одеколона.

«Надо же, – усмехнулся про себя Ермаков. – Не угодил!»

Налив еще вина, он протянул ей бокал. Хотелось поскорее забыться, ощутить пьянящую легкость. Но хмель не брал...

Леночка бок о бок восседала на диване, а Егор тщетно пытался и не мог пробудить в себе хоть какие-то чувства. Не было в ней ничего, что заставило бы дрогнуть сердце.

Пауза затягивалась.

– Хочешь, фотографии покажу? – спросила она.

– Хочу.

Раскрыв на первой странице толстый альбом, Леночка принялась не спеша перелистывать его, попутно комментируя каждый снимок.

Ермаков терпеливо смотрел... Все это угнетало. Особенно – необходимость изображать из себя ее поклонника. Ведь она ему ни капли не нравилась.

«Не слишком ли дорогая цена за пять минут сомнительного удовольствия?»

Досмотрев фотографии, Егор положил альбом на стол. Потом приобнял Леночку за плечи и поцеловал в губы. Она ответила поцелуем на поцелуй.

Раздевая ее, Ермаков с тревогой прислушивался к себе. Вид обнаженного тела не будил в нем никаких желаний. Это неприятно удивило – ведь почти месяц у него не было женщины.

Чем больше Егор целовал Леночку, чем крепче обнимал ее широкое мягкое тело, тем отчетливее ощущал какой-то невидимый барьер, преодолеть который было невозможно.

«Что со мной? – размышлял он, бессильно откинувшись на спину. – С Яной никогда такого не случалось. Достаточно было легкого поцелуя, одного нежного прикосновения. А здесь?.. Душа словно забилась куда-то, притихла и съежилась. Наверное, все-таки существует совместимость биополей. Или чего там еще...»

Вдруг он услышал смех. Прикрыв рот ладонью, Леночка давилась от хохота.

– Чего смеешься?

– Потому что смешно... – ответила она. – Представляешь, если я расскажу, какой ты в постели?

«Ну и сука!» – подумал Егор.

В эту минуту жизнь представилась зыбким трясиным болотом. Куда ни ступи – всюду земля уходит из-под ног.

Ермаков хотел сказать ей что-нибудь резкое. Что никакая она не Леночка, а давно уже Елена Владимировна; что глупая она, злая и толстая баба; что только сумасшедший может после такой девушки, как Яна, желать близости с ней... Но ничего этого он не сказал. Лишь улыбнулся виновато... В конечном счете – сам все затеял. Так что и обижаться не на кого.

Возвращаясь домой по темным вечерним улицам, Егор вспомнил стихи восточного мудреца.

«Что б мудро жизнь прожить,
знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть.
И лучше будь один, чем вместе с кем попало»

Глава 5

Ермаков решил навести порядок на лестничной площадке. Он подмел пол и, набрав воды, принялся влажной тряпкой обтирать шершавые бетонные ступени... За этим занятием и застала его соседка Мария Семеновна.

– Егор! – удивилась она. – Ты чего с утра пораньше?

– Да вот... Надо, думаю, помыть... А то ведь грязь...

– Откуда же грязь? Позавчера только Люся убиралась.

– Люся? Из шестьдесят девятой, что ли?

– Зачем!.. Люся – наш дворник. Она каждую неделю лестницу подметает, и два раза в месяц – моет.

– А я и не знал...

– Так ты в это время на работе.

– Чего ради я тогда мучаюсь?

– Вот и я думаю: какая муха тебя укусила?

Егор опустил тряпку в ведро и, усмехнувшись, ответил:

– Сосед.

– Что?

– Говорит, будто один он только лестницу моет. Вот я и решил поучаствовать. А то как-то неудобно.

– Это Юра, что ли?

– Не знаю, как его зовут.

– Болтун! Видела как-то раз с тряпкой. Блажь это все, вот что... Шибануло в мозги – потом прошло.

– А я уж хотел дежурство по площадке организовать. Чтобы мыть по очереди... Он еще обижался, что никто кроме него перегоревшие лампочки не меняет.

– Нахал! Сама сколько раз новые вкручивала. И Петровы тоже...

– Но я-то, действительно, ни одной не сменил.

– Подумаешь! Этим коммунальщики должны заниматься. Кстати, ты бы, Егор, как-нибудь зашел, напомнил им насчет потолка. А то ведь они и забыть могут.

– Обязательно напомню! – пообещал Егор.

Сквозь густую листву просвечивало полуденное солнце, веселые яркие блики слепили глаза... Егор брел по узкой парковой тропинке. Грустные мысли одолевали его. Он размышлял о бренности человеческих чувств, о том, что все неизбежно проходит. И было горько от того, что любовь распускается и живет, подобно этим листьям на деревьях, а потом неизбежно гибнет... Вслед за летом всегда наступает осень. Ничего не поделаешь с этим. И в отношениях между людьми – тоже... И люди сбрасывают прежнюю любовь, как дерево сбрасывает обветшавшие листья, с легкостью забывая минувшее, чтобы потом, когда придет время, полюбить снова...

«Но я не такой, как все! Должно быть я из породы «вечнозеленых». Сила моей любви неподвластна времени! Я могу любить вечно!.. Только кому это нужно?»

Ермаков ощутил, как застучала кровь в висках, и невольно ускорил шаг.

«Есть ли где-нибудь на земле женщина, способная чувствовать так же, как я? Умеющая любить так же преданно и так же безумно?»

Конечно, он понимал, что все эти метания – всего лишь агония попавшей в ловушку жертвы. Пока он окончательно не расстанется с Яной, никто другой не сможет занять в душе ее место. Ермаков слишком хорошо знал себя... Для того, чтобы снова влюбиться, надо были обогреть эти «вечнозеленые листья» прежней любви, сжечь их в огне бессонных ночей, и только

потом, когда все сгорит дотла и пепел остынет, можно будет надеяться на новую встречу... Но это так больно! День за днем выжигать ее из груди, рвать по живому! И эта пытка не на месяц, и не на два...

«Господи, как я устал от этих обретений и потерь! Каждый раз одно и то же...»

Никогда еще за всю свою жизнь Ермаков никого не разлюбил первым. Он просто не знал, как это делается... Если Егор говорил женщине «Люблю!» – то все другие переставали для него существовать. Он боготворил свою избранницу, она становилась центром вселенной. Ему было совершенно непонятно, как можно, любя одну – увлечься другой. Пусть даже самой-самой... Это исключалось, и не по каким-то там нравственным соображениям. Просто так была устроена его душа... Казалось бы – живи и радуйся! Но, увы, неизбежно кончалось одним: сначала проскальзывал холодок отчуждения, затем утрачивалась искренность отношений, потом приходила боль... Страдая и мучаясь, любовь истекала слезами, как кровью, и, в конце концов, погибала. А он, чтобы спастись от тоски – пускался во все тяжкие... Но что ему оставалось?

Егор заметил, что идет уже вдоль шумной улицы. Мимо с фырканьем проносились машины, сновали туда-сюда прохожие, на углу, возле школы, гомонили дети... Ермаков поднял голову и остановился.

«Надо же!.. А ведь совсем не хотел идти сюда. Ноги сами привели»

Егор стоял перед входом в универмаг, где работала Яна, и не знал, что делать. Пройти мимо?... Нет, это было выше его сил. Он слишком давно ее не видел.

Поднимаясь по ступенькам, Ермаков ощутил внезапное беспокойство. От волнения у него закружилась голова «Я спокоен. Я совершенно спокоен», – внушал он себе, пытаясь унять нервную дрожь.

Именно здесь, в этом магазине, два года назад все и началось... Егор часто заходил сюда, чтобы сделать кое-какие покупки. Однажды, прогуливаясь по этажам, обратил внимание на молоденькую стройную девушку, торговавшую парфюмерией. Что он тогда купил у нее? Кажется, туалетную воду... Да, точно – маленький синий флакон в изумрудной коробке. Пока она доставала покупку с верхней полки, Ермаков успел, как следует ее рассмотреть. Девушка, без сомнения, чувствовала спиной изучающий взгляд, но, как будто нарочно, не торопилась. Подол короткого платья, приподнявшись вслед за рукой, открыл взору гладкие ровные бедра, обтянутые колготками телесного цвета. Было на что посмотреть... Однако запомнились ему не красивые ноги продавщицы, а то, как она двигалась. В каждом жесте, в каждом движении ощущались такая нежность и теплота, что казалось, будто девушка гладит воздух... На следующий день он пришел вновь и опять купил точно такую же туалетную воду. Девушка, узнав его, мило улыбнулась... Потом Ермаков появлялся здесь еще и еще, всякий раз покупая какую-нибудь мелочь. Так постепенно они познакомились. А какое-то время спустя – стали встречаться... Яна жила одна, в двухкомнатной малогабаритной квартире. Родители ее были далеко, на севере, где папа – офицер военно-морского флота – проходил службу. Перед своим приездом сюда Яна успела закончить кораблестроительный институт... Поначалу они виделись часто: гуляли, загорали на пляже, ходили по музеям, выставкам и кино. Иногда заглядывали в кафе и подолгу сидели за бокалом вина или чашкой кофе... И были еще вечера, полные необузданной страсти. Сплетясь телами, помногу часов подряд не размыкали они жадных объятий. Неиссякаемые ласки доводили их до иступления. Казалось, еще немного – и они погибнут, не в силах остановиться... Потом они лежали рядом, приходя в себя, пока новый порыв страсти не бросал их навстречу друг другу... Замечательная была весна. Впервые за несколько лет Ермаков снова почувствовал радость жизни. Просыпаясь, он улыбался оттого, что пытался и не мог воскресить в душе ту тягостную боль, которая не отпускала его раньше. Казалось, теперь всегда будет так... Но тихо и незаметно все куда-то ушло.

– А что, Лукошечкина сегодня не работает? – спросил он у полной черноволосой женщины, стоявшей в парфюмерной секции вместо Яны.

– Работает... Но в другом отделе... Гжелью торгует.

Егор отправился, куда ему указали, и вскоре среди бело-голубых вазочек, чашечек и тарелочек увидел Яну.

– Привет! – бодро сказал Ермаков. – Как торговля?

Она улыбнулась и встала напротив, по ту сторону прилавка.

– Плохо... С утра только две чашки продала.

– Почему плохо? Может, наоборот, хорошо? И время идет, и никто не беспокоит.

– Да? А деньги... У нас ведь зарплата от выручки зависит.

– Несправедливо.

– Наше начальство, видимо, считает иначе.

– Но ничего... Сейчас к тебе покупатели толпами повалят.

– Посмотрим.

– И смотреть нечего... Вон, уже идут.

Пожилая пара остановилась возле прилавка. Рассматривая посуду, мужчина и женщина негромко переговаривались между собой. Из обрывков разговора было ясно, что они выбирают кому-то подарок.

– Девушка, покажите, пожалуйста, вазочку, – попросила дама.

Ермаков отодвинулся, уступая ей место.

Пока женщина выбирала подарок, Егор наблюдал за Яной. Легкость и грациозность движений вызвали у него приступ нежности. Захотелось уткнуться лицом в эти мягкие русые волосы, ощутить под ладонями упругую свежесть гибкого молодого тела, почувствовать на губах карамельно-сладкий привкус ее губ... Но она казалась такой недоступной. И не только разделявший их прилавок был тому виной.

– Выполнила план на сегодня? – спросил Егор, когда покупатели ушли.

– Еще нет и половины, – вздохнула Яна.

Они говорили о каких-то пустяках, а Ермаков думал только об одном: сможет ли когда-нибудь снова с ней встретиться? Но спросить не решался – боялся услышать вежливый отказ.

– Что ты делаешь завтра? – поинтересовался, наконец, Егор.

– Пока не знаю.

– Яна... – он замолчал, собираясь с духом. – Может, завтра увидимся?

Целую вечность длилась эта немая пауза. Тысячу раз можно было воскреснуть и умереть.

– Завтра? – переспросила она. – Вообще-то я хотела домашними делами заняться.

Ермаков почувствовал, что просто не переживет, если она скажет нет. Он взял ее руки в свои, нежно обхватил пальцами гладкие прохладные ладони.

– Я соскучился по тебе... Очень-очень... Давай встретимся.

– Хорошо, – неожиданно согласилась Яна. – Давай...

– А где? – просиял Егор. – У меня или у тебя?

– У меня.

– Я позвоню тебе утром.

– Ладно.

Не выпуская ее рук, Ермаков светился от счастья... Еще минуту назад жизнь виделась в черном цвете. А сейчас – все снова было прекрасно.

По пути к дому Егор заглянул на рынок. Потолкавшись среди толпы, он купил ведро картошки и большую связку зелени. Чтобы не мять и не пачкать ее в одном пакете с картошкой, понес в руке. На выходе столкнулся со страховым агентом Васиным.

– Подожди, – сказал тот Ермакову. – Я быстро... Только помидоров куплю.

Егор остановился возле пустующего стола под навесом. Чтобы не оттягивать руку, поставил пакет с картошкой на землю, а укроп и зеленый лук разложил прямо на столе.

Мимо то и дело проходили люди. Поглядывая по сторонам, Ермаков заметил свою пожилую соседку. Лавируя среди толпы, старушка везла за собой двухколесную тележку с поклажей.

– Мария Семеновна! – окликнул он ее.

– А-а, это ты, Егор? – узнала соседка и как-то странно на него посмотрела.

– Чего накупили?

– Пенсию получила. Надо, думаю, себя порадовать... А ты все работаешь?

– Тружусь, Марь Семенна, тружусь!

– Тяжело, небось, целый день на ногах?

– Да я уж привык... И потом почему целый день? До обеда я обычно в офисе сижу.

– В офисе?.. А-а, понятно... Там, стало быть? – она неопределенно кивнула куда-то в сторону двухэтажной кирпичной постройки, вплотную примыкавшей к крытому рынку.

– Ну да, в нашей конторе... В своем кабинете.

– У тебя и кабинет отдельный есть?

– Конечно.

Мария Семеновна окинула его цепким недоверчивым взглядом, от которого Ермакову стало не по себе. «Чего она так смотрит?»

– И что? – поинтересовалась старушка, – Ты вот так каждый день в костюмчике и работаешь?

– Приходится... Это, можно сказать, наша спецодежда.

– И кто же вам такую спецодежду выдает?

– Никто не выдает – сами покупаем.

– А во что попроще одеваться нельзя?

– Шеф не разрешает. Говорит, клиент должен быть в нас уверен.

– Ладно, пойду... Счастливо доработать.

– Так я уже на сегодня отработал.

– Вижу, вижу... Молодец. Ничего почти не осталось.

«Не понял? – подумал Егор, глядя ей вслед. – Чего не осталось?.. О чем она?»

После разговора с соседкой появился какой-то неприятный осадок. Что-то здесь было явно не так. Но что?.. Этого он понять не мог.

Ермаков поискал взглядом Васина, но того нигде не было.

«Подожду еще три минуты – и пойду».

– Почему? – услышал вдруг Егор.

– Что? – удивленно спросил он, разглядывая невысокого помятого мужичка.

– Почему лук, спрашиваю?

Ермаков на секунду опешил? Потом посмотрел на лежащую рядом зелень – и до него начал доходить смысл сказанных слов... И как только он понял, прыснул от смеха.

«Идиот! Кретин!.. Она же подумала, что я на рынке луком торгую! В белой рубашке, с галстуком... Ой, не могу!»

Под вечер Ермаков вышел посидеть на скамеечке, возле дома. Погода была замечательная, настроение – тоже. Легкие теплые сумерки опускались на город.

Рядом судачили молодые мамы из соседнего подъезда. В песочнице играли их маленькие дети. С ведерками и совками, малыши что-то старательно лепили из песка.

На других скамейках тоже отдыхали люди... В воздухе переплетались обрывки фраз, веселый девичий смех, звонкие крики пацанов, гоняющих мяч во дворе. Все это создавало особенную атмосферу домашнего уюта, покоя и тепла.

Егор наслаждался этим тихим весенним вечером и с радостью думал о предстоящем дне.

Внезапно все переменялось... Он ощутил неясное беспокойство. Жизнь во дворе словно замерла. Потом со всех сторон слышались тревожные крики:

- Оленька! Митя!.. Быстро сюда!
- Сережа! Бегом домой!
- Ма-акси-и-и-им!

В глубине двора Ермаков увидел двух огромных собак. Сонной поступью они медленно приближались к опустевшей песочнице. Короткая дымчатая шерсть лоснилась и в такт движению, волнами перекатывалась от загривка к хвосту. Это были мастифы... Сильные и злобные звери бойцовской породы, известные как «собаки-гладиаторы».

- Вы посмотрите, они без намордников!
- Безобразия!
- Загадили весь двор... С ребенком не знаешь, как выйти!

И тут послышался негромкий детский плач. Звуки исходили со стороны песочницы. Один из малышей заигрался и не успел убежать вместе со всеми. Теперь, в окружении огромных собак, он плакал от страха.

Егор приподнялся со скамейки и сразу же разглядел горемыку. Маленький мальчик в белой панамке, забившись в угол песочницы, размазывал по щекам слезы... Мастифы, поначалу флегматично-спокойные, пришли от детского плача в возбуждение. Они метались вокруг песочницы, то припадая на передние лапы, то вскидываясь высоко – словно исполняли неведомый танец. И было в этой животной игре что-то зловещее.

Перепуганный ребенок все плакал, а на помощь к нему никто не спешил. Ермаков почувствовал, что пора вмешаться... Быстрым уверенным шагом он двинулся к песочнице. Но чем ближе подходил, тем осторожней становилась его походка. Не сказать, чтобы Егор очень уж боялся. Однако неприятный холодок в груди все-таки был.

Когда он приблизился, мастифы настороженно замерли. Тяжело, запаленно дыша, собаки смотрели на него внимательными умными глазами. В них таился вызов, желание померяться силой. А может, это ему только показалось?

Ермаков протянул мальчику руку:

- Не плачь... Они тебя не тронут.

Малыш недоверчиво взял за палец. И непонятно было, кого он больше боялся – его или этих ужасных чудовищ?

Вывалив широкие розовые языки, собаки с интересом наблюдали за людьми. Из приоткрытых широких пастей с шумом вырывалось частое дыхание. Один из мастифов obeжал вокруг песочницы и, приподняв лапу, оставил на дощатом бортике метку. Что, по собачьим понятиям, видимо, должно было означать: «Еще раз дорогу перейдешь – берегись!»

Передав ребенка объявившейся мамаше, Егор вернулся к своему подъезду. Одна из женщин окликнула его:

- Извините, можно вас на минутку?

Ермаков подошел.

- Вы, случайно, не наш новый участковый?

– Нет, – ответил Егор.

- А можно вас попросить?

– О чем?

– Вон там, видите, хозяин этих собак. Возле качелей... Поговорили бы с ним по-мужски. Невозможно ведь детей во двор выпустить.

«Ну вот, – подумал Ермаков. – Только общественных поручений мне не хватало».

Но отказать не смог...

Настроен Егор был миролюбиво и не мог предположить, что его замечание вызовет такую вспышку гнева.

– Ты что: председатель домкома? Представитель ЖЭКа? Чего ты мне претензии предъявляешь! – обрушился на него собачий хозяин. – Они кого-нибудь укусили? Съели?

– Пока нет... Но если искалечат – отвечать будете вы... И вообще, для выгула собак есть место на пустыре. Вон, за дорогой.

– Слушай, мужик, я не пойму, чего ты добиваешься? Ты хоть знаешь, что это за собаки? Один щенок стоит больше, чем пять таких, как ты!

– Прошу вас мне не «тыкать», – с трудом сдерживаясь, произнес Ермаков.

– Чего? А в рыло не хочешь?

– Я те дам в рыло! – взорвался Егор. – Так дам, что не унесешь!

Огромные звероподобные мастифы крутились рядом.

– Чужой! – негромко скомандовал хозяин.

Собаки мгновенно преобразились. Окалив страшные пасти, они исторгли нутряной, ужасающий рык и стали обходить Ермакова с двух сторон.

– Вали отсюда, пока цел! – посоветовал их владелец.

Егор перевел дух... Сердце билось где-то в горле. Руки слегка дрожали. Кусая от бессилия губы, Ермаков отступил.

«Никогда этого не прощу! Никогда!» – поклялся Егор, пронзив обидчика взглядом.

Глава 6

Любовь... Поначалу она похожа на чистый лист. Когда между влюбленными нет ни ссор, ни обид; когда они еще не пресытились и не устали друг от друга; когда губы их шепчут только ласковые слова, а глаза видят лишь достоинства и не замечают недостатков... Но у каждого чувства свой век. Приходит время и на белом листе появляются точки, штрихи, кляксы – следы размолвок, непонимания, ревности.

Эти метки нельзя подчистить или стереть, постепенно их становится все больше. И вот уже некогда белый лист превращается в черный. Любовь умирает...

«Может ли быть иначе? – думал Егор по дороге к дому, где жила Яна. – Есть ли счастливицы, способные сохранять отношения в непорочной чистоте? Или гибель любви неизбежна?»

Впервые, идя на встречу с Яной, он испытывал какую-то непонятную грусть. Это мешало ему... Ведь известно – ожидание праздника больше чем праздник.

На углу продавали цветы. Ермаков пересчитал оставшиеся деньги. На три розы не хватало, по две – не дарят... Купить одну? Он не знал, что лучше: букет гвоздик, тюльпаны или роза? Почему-то Егор всегда дарил любимым только розы.

«Пижонская привычка», – усмехнулся он про себя, однако традиции решил не изменять.

Вытянув из чаши подходящий цветок, он протянул деньги.

– Отличная роза! – одобрила цветочница его выбор.

Чем ближе подходил он к Яниному дому, тем радостней становилось на душе. Все темные мысли куда-то исчезли. Осталось лишь нестерпимое желание поскорее увидеть ее.

Поднявшись на второй этаж, Ермаков позвонил в дверь.

Яна была в легком цветастом платье с открытыми плечами. Тоненькие бретельки придавали этой открытости особенный шарм.

– Здравствуй, – сказал Егор, протягивая ей цветок. Она взяла розу и подставила губы для поцелуя.

Радость пьянящей волной ударила в голову. Стоило только обняться с ней, как мгновенно пропал тот пугающий холод, что в последнее время томил его. И поверилось Егору в этот сладостный миг, что у нее и впрямь никого нет, что ждет и любит она только его одного.

– Я тут к чаю кое-чего взял, – поднял Ермаков с пола большой пакет. – Немножко...

– Ага! – весело качнула головой Яна. – Это называется «немножко»!

Они прошли в кухню. Пока Егор выкладывал на стол содержимое пакета, Яна взяла нож и крестообразным надрезом расщепила снизу стебель розы, – чтобы дольше не завяла. Потом поставила цветок в воду и унесла в комнату. Ермаков отправился следом.

– Тебе идет это платье.

– Да? – кокетливо произнесла она и, скользнув ладонью от виска к затылку, отбросила назад длинные светлые волосы.

Егор привлек ее к себе и нежно поцеловал в губы.

Все вокруг разом исчезло, потеряло значение, перестало существовать. Осталась только эта желанная, пахнущая чистотой и свежестью молодая женщина... Сминая горячими телами прохладный шелк отглаженных простыней, они упали в постель.

Ах, если бы можно было остановить это божественное мгновение! Обменять его на вечность!.. Ермаков сделал бы это без колебаний. Потому что ничего сладостней и выше не знал.

Они неистово ласкали друг друга, стонали, вскрикивали; и было в этой необузданной страсти что-то дикое, первобытное. Оплетенные лианами рук и ног, их трепещущие тела судорожно вздрагивали, выгибались, бились в иступлении – словно искали освобождения. И когда, наконец, это произошло, они, обессилив, так и остались лежать – лицом к лицу...

– Хорошо! – прошептал Егор, чуть касаясь губами ее уха. Яна поежилась, как от щекотки. На душе у Ермакова снова было легко. Все сомнения остались в прошлом... Он чувствовал на спине ее ладони – они плавно скользили вверх-вниз, успокаивая и умиротворяя.

– Ты веришь в гороскопы? – спросила Яна, продолжая поглаживать его по спине.

– Не знаю. А что?

– Просто... Прочла недавно в книжке о своем знаке Зодиака. Многое совпало.

– Возможно, что-то здесь есть. Но лично я отношусь к этому с недоверием... Как, впрочем, и ко всем теориям Фрейда, Юнга, Ломброзо... Стремление упорядочить, подвести под шаблон, уводит от истины. Это взгляд закоренелого материалиста. Тогда как сегодня даже наука утверждает, что многие вещи не поддаются материальному объяснению.

– Ты считаешь, что все от Бога?

– Или от дьявола... Вот только неясно – сами люди выбирают, кому служить, или это предопределено?

– Наверное, все-таки сами. Иначе, зачем бороться за душу человеческую? Раз нет выбора...

– Мне тоже кажется, что выбирает, в конечном счете, сам человек. Вот только всегда ли он делает это осознанно? И откуда приходит к ребенку знание, что так поступать можно, а так – нельзя; что это – хорошо, а это – плохо?

– От родителей.

– А если родителей нет?

– От окружающих...

Но ведь сколько раз в день приходится выбирать? На каждый случай советов не напаешься. Душой человек должен чувствовать, душой!.. Недавно еду в автобусе и наблюдаю такую картину. Сидят юноша с девушкой. Заходит старенькая бабуля. Юноша делает попытку уступить ей место... И что, ты думаешь, заявляет ему милая спутница? «Если ты встанешь, я с тобой разговаривать не буду!» Не веришь?.. Я потом пытался хоть как-то объяснить ее поступок, но так и не смог... Ладно бы просто взяла и не уступила. Это понятно... Но чтобы так!

– А ты всегда старушкам место уступаешь?

– Я не святой... – лукаво прищурился Ермаков. – Но по большому счету стараюсь поступать по совести.

– То есть благородно?

– Ну да...

– В ущерб себе?

– Именно... Ведь слово «благородно» как раз и обозначает действие, совершаемое в ущерб своим интересам... С точки зрения здравого смысла – абсолютная бессмыслица. Но если вдуматься, то только так и можно определить, что ты за человек.

– И часто тебе приходилось совершать такие поступки?

Слава Богу, нет... Хотя, иногда, действительно были моменты. – Расскажи?

– Если тебе интересно...

– Очень.

– Под Новый год, на институтском вечере... Я тогда на пятом курсе учился. Елка, девушки, все такое... Выпили немного... И тут преподаватель отзывает в сторону: «За другом своим присмотри. Что-то наши гости против него замышляют. Не побили бы...» – «Ладно, – говорю, – присмотрю». А он и не друг мне вовсе. Так, знакомый... Но раз пообещал – надо слово держать. Весь вечер его опекал, потом провожать отправился. Дойду, думаю, с ним до остановки, посажу на автобус – и назад, к своим... На полпути слышу топот. Повернулся – толпа человек пятнадцать. Догоняют... В расстегнутых куртках, пар изо рта... И сразу – к моему напарнику. Толкнул он там кого-то или посмотрел не так. Обычное дело – надо повод для драки найти. Меня вроде как и не замечают, хотя рядом стою... Вижу – приятель мой

струхнул. Ясно, думаю, если что – только на себя можно рассчитывать... А они в колонну по трое стоят, в затылок друг другу. Со всех сторон снег, никак не обойти. Посреди снежной целины – узкая полоска асфальта. Мне это на руку, а им неудобно: всем сразу не навалиться... Вышел я тогда вперед, прикрыл напарника и говорю: «В чем дело?» Тут из толпы кулак – вжик! – у меня перед носом... Дальше как в кино было. Врубился я с ходу в их тесные ряды, и давай крушить направо и налево... Они поначалу опешили – не ожидали такой наглости. Где же это видано, чтобы один на пятнадцать человек бросался. Ведь шансов практически нет... Сколько времени это все длилось – не знаю: может, секунд тридцать, может, минуту... Только чувствую – силы на исходе. Хотя тренирован был неплохо – звание кандидата в мастера спорта по самбо имел.

– А что такое самбо? – поинтересовалась Яна.

– Самооборона без оружия... Это сплав нескольких видов борьбы. Причем есть два направления: одно – чисто борцовское, а другое – помимо борьбы включает в себя и ударную технику. Мне ближе второе... Так вот, силы на исходе, руки все в кровь разбиты, а вокруг по-прежнему тесно. Кулаки перед глазами мелькают – только успевай уворачиваться! Надолго ли, думаю, меня хватит?.. И тут вдруг – раз! – мгновенно все изменилось. Словно волна отхлынула... Один стою. У ног несколько человек валяются. Остальные – улепетывают!.. Потом вижу – друзья бегут. А ведь я им ничего не сказал, не предупредил. Могли бы и вовсе моего отсутствия не заметить.

– Повезло.

– Вот и я так считаю... И знаешь, что еще интересно – за всю потасовку мне ни разу понастоящему не попало, только ногой в грудь кто-то заехал...

– Страшно было?

– Нет... То есть вначале, конечно... Но как только драка началась – все прошло... Может, оттого, что некоторые парни из этой компании были знакомы, и где-то в подсознании сидело – поколотить, возможно, и поколотят, но до смерти не убьют... Страшно было в другой раз. На границе с Афганистаном...

– Ты там воевал?

– Нет. Отдыхал... Не шучу я, серьезно! Там есть замечательный санаторий. Раньше со всего Союза приезжали... Там я познакомился с милой девушкой по имени Люся. Она мне очень понравилась. Огорчало только то, что через пару дней Люся должна была уехать. «Два дня с красивой девушкой – это не так уж мало», – беспечно подумал я, предвкушая романтическое приключение, но вскоре понял, что заблуждался. Она оказалась неприступной, как скала, и к тому же – у нее обнаружились проблемы... Люся постоянно таскала в руке какой-то предмет, завернутый в полиэтиленовый мешочек. «Косметика», – подумал я, но вскоре выяснилось, что это газовый баллончик. Оказывается, вот уже неделю ее настойчиво преследовал один местный джигит, из-за чего ей даже пришлось прервать отпуск. «Хотите, буду вашим телохранителем?» – опрометчиво предложил я. Она с благодарностью согласилась. Если бы я знал, от кого мне придется ее охранять! Этот человек был во главе бандитской группировки, которая «держала» город. Я видел этих неслабых ребят. Когда они входили в чайхану, даже охранники уступали им место... Весь день я провел с ней, отлучился лишь под вечер. А когда вернулся, застал в слезах. Она рассказала, что приходил посыльный от ухажера и предъявил ультиматум. Либо она становится его женщиной добровольно, либо... Я, как мог, успокоил ее и повел на последний сеанс в маленький неприметный кинотеатр, надеясь пересидеть там остаток вечера, а потом – увести к себе. Я был уверен, что нежелательной встречи удастся избежать. Ведь никто из них не мог знать, где я живу. А утром у нее уже поезд... В крохотном зале, мест на пятьдесят, кроме нас было еще несколько зрителей. Показывали какой-то старый американский боевик. И вот, когда фильм уже подходил к концу, двери в зал неожиданно распахнулись. «Это они!» – испуганно прошептала Люся и прижалась ко мне. Я так и

обмер... А черноволосая шумливая братва расселась тем временем на задних сиденьях. «Вли-и-ип!» – думаю. Вдруг сзади шорох... «Дэвушка, это вам!» – широкоплечий бородач протянул Люсе цветы. – Прасыли передать». Она молча отбросила букет... Я сидел – ни жив, ни мертв. Ощущал ли в тот момент себя героем? Ничуть... Странная все-таки была ситуация. С одной стороны, никаких обязательств перед этой девушкой я не имел. И как бы ни поступил, никто никогда не узнал бы об этом... Но, с другой стороны бросить ее тоже не мог... И ладно бы все это происходило у себя дома. А то ведь – бог знает где, за тысячу верст, в чужом незнакомом городе... Ожидание становилось нестерпимым. Я чувствовал себя словно узник перед казнью. В какой-то момент подумалось о превратностях судьбы. Что если бы не подошел тогда к ней, не познакомился – сидел бы сейчас в своем номере перед телевизором, потягивал холодное пиво и не дрожал бы от страха... Компания покинула зал прежде, чем на экране появились титры. Я знал, что они непременно будут ждать нас на улице, и лихорадочно просчитывал варианты спасения. Но другого выхода здесь не было... Люся ухватила за мою руку, как тонущий за соломинку. Я хотел сказать ей что-то ободряющее, однако ничего не смог произнести. Мы увидели их сразу. Они молча курили в темноте, и только малиновые пляшущие огоньки выдавали их присутствие... Мы двигались прямо на них. Уже несколько шагов разделяло нас. Нервы были натянуты, как струны... Шаг... Еще шаг... Ну!.. И вдруг они расступились. Мы прошли сквозь них... Это было похоже на чудо. Как если бы мы прошли сквозь стену... И только потом я осознал, что за секунду до этого в тишине прозвучали два слова на непонятном языке... Как я спал в эту ночь! Будто младенец... Словно ангелы, обернув облаками, до утра носили меня на руках...

Ермаков умолк и взглянул на Яну. Она сидела рядом, подобрав под себя ноги. Обнаженная грудь дерзко выступала вперед.

– Яна...

– Что?

Егор обнял ее и повалил на постель.

– Я люблю тебя.

– Ну вот, – грустно улыбнулась она. – Хоть кто-то меня любит.

«Да не кто-то!.. А именно я – Егор Ермаков! Разве этого мало!?»

Так он подумал, но ничего не сказал... Да и о чем говорить? Что никто и никогда не будет любить ее так же, как он? Что еще не раз она о нем вспомнит? Это все слова...

Стиснув ее в объятьях, Егор с болезненной жадностью принялся целовать полуоткрытые теплые губы. Яна подалась навстречу... Нежно лаская друг друга, они слились воедино и внезапная страсть, полыхнув безумным огнем, обожгла их разгоряченные тела...

... Потом Яна встала и куда-то ушла. Ермаков слышал, как она шумела водой в ванной, гремела на кухне посудой. Надо было тоже вставать. Но ему не хотелось.

– Чай готов! – донеслось из кухни.

– Иду! – откликнулся Егор, натягивая слегка помятые брюки. Одна штанина свернулась «кульком» – и он никак не мог с ней совладать. Прыгая на одной ноге, тщетно пытался протолкнуть застрявшую ступню. Так допрыгал до книжного шкафа и, опершись об угол, просунул, наконец, ногу в штанину... И тут взгляд его упал на полку.

Там лежал надорванный почтовый конверт. На месте адресата устоявшимся мужским почерком было выведено: Яночке Лукошечкиной. Ниже значилось имя отправителя – Сергей Петухов.

Ревность острыми коготочками скребнула по душе. Но Егор тут же взял себя в руки.

«Какое право я имею ее ревновать?.. Она что, клялась мне в вечной любви? Давала обет верности?»

Ермаков сел к столу.

– Тебе покрепче? – поинтересовалась Яна.

– Все равно.

Он всеми силами пытался сохранить невозмутимость, однако Яна заметила в его настроении перемену.

– Ты чего?

– Ничего.

– Я же вижу!

Егор хотел промолчать, но не выдержал и спросил:

– Кто такой Сергей Петухов?

– Ах, вот что! – смутилась Яна, щеки ее зарумянились. – Нашел письмо? Извини, я не специально... Забыла убрать. Она помолчала, потом продолжила:

– Кто такой? Просто знакомый. Отдыхал здесь прошлым летом... Это все несерьезно, Любовь по переписке.

«Прошлым летом... Значит, они переписываются уже почти год? Интересно, что он ей пишет? Люблю, целую? Наверняка она с ним спала».

Егор представил, как они лежали в обнимку на этой самой кровати, и ему стало тошно.

«А что сейчас? Думаешь, ты у нее один? Как бы не так!»

Он почти не сомневался, что Яна встречается с кем-то еще. Но спросить прямо не решался... Зачем? Пусть останется хотя бы иллюзия... Ведь он давно уже не мальчик. И должен понимать, что обладать такой девушкой – дорогого стоит. Смирив гордыню, Ермаков обнял ее за плечи.

– Пойдем в комнату?

– Пойдем.

Они снова оказались в постели, и Егор разом забыл обо всем. Целуя ее, он медленно погружался в сладостный горячий туман... И тут зазвонил телефон.

Настойчивая пронзительная трель резанула по нервам, Ермаков напрягся... Но Яна словно не слышала. Тогда он дотянулся и выдернул из розетки шнур.

«Никому тебя не отдам! Пусть хоть на минуту, хоть на миг, но здесь и сейчас – ты моя!»

Глава 7

В конторе жилищного управления был приемный день. Желающих пообщаться с коммунальным начальством нашлось немало. Ермаков терпеливо дожидался своей очереди.

Время от времени его клонило в сон... Вчера он опять полночи не мог уснуть из-за своего музыкального соседа.

Это становилось сущей напастью. Каждый раз, когда поздно вечером в соседней комнате на полную мощь врубался магнитофон, у Егора начиналась истерика. Он мучился, не зная, куда деться от этого безжалостного агрессивного шума. И ничего не помогало: ни вата в уши, ни успокоительные капли, ни снотворное... Попытки поговорить с соседом по-хорошему тоже ни к чему не привели. Он только презрительно ухмылялся и упорно стоял на своем: «У себя дома я могу делать все, что хочу!»

Егор был незлым человеком. У него никогда не было врагов. Даже когда приходилось драться, он делал это без ожесточения. Просто потому, что так надо... Но сейчас он чувствовал самую настоящую ненависть. К этому невзрачному худощавому человеку, с вечно напряженным бледным лицом. Он готов был растерзать его, разорвать на части... Сосед казался ему похожим на какого-то маленького неопрятного зверька с запущенной грязной шерсткой.

«Хорек... Нет... Злобный заяц!» – Ермаков где-то слышал это выражение. И оно очень точно определяло суть – злости, как у тигра, а силы, как у грызуна.

– Кто последний? – осведомился сухонький седовласый мужчина.

– Там спрашивайте, – указали ему в дальний конец коридора.

Народу нисколько не уменьшилось. За час, что Егор здесь находился, из кабинета вышли только трое. А перед ним было еще семеро.

«Сколько же здесь сидеть придется? Может, лучше в другой раз?»

Но чувство долга не позволило Егору ретироваться. Он мужественно решил дождаться своей очереди.

– Вас тоже соседи залили? – поинтересовалась у него пожилая женщина.

– Нет, – ответил Ермаков. – Потолок протекает.

– Верхний этаж?

– Верхний.

– Беда... А нас соседи залили. Уехали, а кран забыли закрыть. Второй месяц обещают сделать ремонт – и никак!

– Не дождетесь, – вмешался сидевший рядом мужчина. – Полгода добиваюсь, чтобы швы межпанельные заделали. Куда только ни обращался. Бесполезно... Придется, видно, за свой счет...

– У них на все одна отговорка, – донесся откуда-то сбоку недовольный голос. – Денег нет, ждите!..

Через какое-то время народ, выпустив пар, умолк. В мрачном полутемном коридоре повисла тишина... Устав бороться со сном, Ермаков бессильно уронил подбородок на грудь.

– Ваша очередь! – услышал он.

Быстро поднявшись, Егор вошел в кабинет.

За белым широким столом возвышалась полная розовощекая дама. Ермаков был с ней знаком. Ведь он заходил сюда уже не впервые.

– Здравствуйте, Галина Михайловна!

– Здравствуйте, – сухо произнесла она.

– Я был у вас... Помните?

– Не помню.

– Ну как же?... Вы обещали... Насчет потолка.

Зазвонил телефон. Галина Михайловна сняла трубку и властным жестом указала Ермакову на стул.

Минут десять она говорила по телефону и за все это время ни разу не взглянула в его сторону. Словно здесь никого больше не было. Поглощенная беседой, она увлеченно кивала, хмыкала, прерывая диалог темпераментными восклицаниями:

– Что ты! Ну да!.. А он?.. А она?.. Угу. Угу... А она?.. А он?

Судя по всему, разговор к работе отношения не имел. Тем не менее, Ермакову ничего не оставалось, как сидеть и слушать... Наконец она положила трубку и осчастливила его своим вниманием.

– Так что, говорите, у вас?

– Я заходил уже...

– По поводу горячей воды?

– Нет... Насчет потолка...

В кабинет заглянула невысокая подвижная брюнетка с картонной папкой в руках.

– Галина Михайловна, нужна ваша подпись.

Коммунальная начальница, кивнув, пригласила женщину войти, и, вооружившись авто-ручкой, размашисто расписалась на нескольких листах. Видно было, что делает она это не без удовольствия.

Брюнетка поблагодарила и собралась покинуть кабинет, но Галина Михайловна задержала ее.

– Какая, Оленька, кофточка у вас красивая...

– Спасибо.

– Что-то я у вас раньше ее не видела. Обновка?

– Да.

– Где покупали?

– В универмаге, напротив.

– Почему?

– Совсем недорого. Со скидкой.

– Что вы говорите?

– Между прочим, там на вас замечательные блузки были. Такие, с отложным воротничком, здесь прошито, рукав приспущен, тут рюшечки... И пуговицы очень красивые – бирюза с золотой окантовкой.

– В каком отделе?

– На втором этаже. Там, где раньше парфюмерия была... Кстати, духи тоже купила. Как запах?

– Удивительный аромат... Вы, Олечка, просто прима!

Ермаков, молча, ерзал на стуле. Было такое ощущение, что про него опять забыли.

«Как можно так работать? – возмущался он про себя. – На ставке, наверное... Вот если бы на проценты вас перевести! От сделанного... Тогда бы сами, небось, по району бегали, искали, где и что починить».

– Так что у вас? – снизошла, наконец, Галина Михайловна. – Кран, говорите, течет?

Егор почувствовал себя пациентом психбольницы. Он едва удержался, чтобы не заорать: «Какой еще кран! Потолок... Потолок, черт возьми!»

Но вслух произнес:

– Я уже был у вас.

– Ну и что?

– Хотел узнать – когда?

– Что когда?

- Потолок отремонтируете.
- Деньги будут – отремонтируем.
- Но вы обещали.
- Я обещала?
- Ну да, сказали – через неделю... Вторая закончилась – никаких результатов.
- Ждите. Нет средств.
- Сколько ждать-то?
- Вам сказали – ждите!

Разговаривать дальше было бесполезно. Все его усилия оказались напрасными – только время зря потерял. Практически целый день. Только затем, чтобы услышать это железобетонное «Ждите!».

– Ладно, сделаем вам... – неожиданно смягчилась Галина Михайловна. – Сделаем... Но не сразу... Какая, говорите, квартира у вас? Номер?

– Вообще-то я не себе... Соседка, старушка попросила... На нашей площадке живет.

– Молодой человек! – взорвалась дама. – Что вы мне голову морочите!

Егор почувствовал себя так, словно его уличили в подлоге.

– Никого же нет у старушки... Некому похлопотать.

– Идите, молодой человек, идите! Не мешайте работать!

«И это она называет работой!.. Бездельники!»

Праведный гнев душил его, рвался наружу... Но что он мог сделать?

На обратном пути Ермаков заглянул в магазин. Надо было купить что-нибудь к ужину.

Остановившись возле витрины, он вдохнул пряный запах копченых колбас и почувствовал, как проголодался. Однако все эти окорочка, шейки, карбонаты и балыки были для него сейчас недоступны... Завтра предстояло расплачиваться с хозяином квартиры. Причем за два месяца сразу.

Ермаков пересчитал мелочь. Хватало только на хлеб и кефир.

«Нет... Кефиром сыт не будешь. Надо что-то другое...»

Он решил купить два бульонных кубика. Хлеб можно пожарить – в холодильнике еще оставалось немного растительного масла. И запить это горячим куриным бульоном. Царский ужин!

За прилавком была знакомая продавщица. Та самая, что без причины недолюбливала его. Хотя, может быть, не только его, а всех покупателей, не способных сорить деньгами.

Высыпав на железное блюдечко горсть мелочи, Ермаков съежился под ее пристальным взглядом.

– Что это? – удивилась продавщица.

– Деньги, – бесстрастно ответил Егор. – Обычная разменная монета, которую еще никто не отменял.

– Да?

– Да... И я могу на них купить все, что вздумается. Хоть буханку хлеба, хоть вертолет!

– Где только насобирали...

– Вас это совершенно не касается.

Пересчитав мелочь, продавщица выложила на прилавок хлеб и бульонные кубики. Но напоследок удержаться не смогла:

– Вот такая и жизнь у вас будет – мелочная.

«Что ты знаешь про мою жизнь!» – с горечью подумал Ермаков. Ему было непонятно ее тупое высокомерие. Ладно бы, хоть что-то представляла из себя – актриса какая-нибудь или миллионерша... А то ведь обычная продавщица в занюханном магазинчике! Откуда это желание унижить и оскорбить?

Хлопнув дверью, Егор вышел на улицу с твердым решением никогда больше сюда не возвращаться.

Глава 8

В народе живет много примет. Например, про черную кошку. Или про пустые ведра... Или про разбитое зеркало... А у Ермакова в последнее время появилась своя. Если, утром по пути на работу в автобусе, рядом с ним оказывалась хорошенькая девушка – можно было не сомневаться, что день сложится удачно. Если какие-нибудь бабуля или дедуля – значит, день будет так себе. Ну, а уж если нахамили тебе с утра или отдавили ногу – все... Можешь смело разворачиваться и ехать домой досыпать.

Сегодня с утра ему не повезло. Нет, его не обругали, не толкнули и даже не наступили на ногу... Просто в давке у кого-то из рядом стоящих лопнул пакет, в котором была, по всей видимости, сметана. И когда на своей остановке Егор это заметил – его чуть не хватил удар... Единственный парадно-выходной костюм черного антрацитового цвета, оказался безнадежно испорченным.

Целый час Ермаков оттирал пиджак и брюки, но полностью избавиться от жирных маслянистых следов не удалось.

– В химчистку отдай, – посоветовал ему Васин.

– У меня встреча назначена...

Егор представил, как в таком виде потащится через город. Вечером он должен был передать деньги хозяину квартиры.

– Прошлым летом со мной тоже случилось похожее, – вмешался Паша Зименков. – От остановки до остановки ехал прижатый к двум-рям. Держался там наверху непонятно за что... Выхожу – люди по сторонам шарахаются! Не понял... Потом глянул на свое отражение в витрине. Сам весь в белом, а рожа, как у трубочиста... Верх-то у дверей был солидолом смазан, и я этот солидол сначала на ладонь, потом – по лицу...

Весь день Ермаков просидел у себя в кабинете.

«Может, не ездить никуда? – размышлял он. – Позвоню, скажу, что заболел... Или еще что-нибудь... Все равно ведь деньги потом отдам. Не сегодня, так завтра... Какая разница?»

Но, в конце концов, Егор решил, что ехать надо. Долг – дело чести...

Ермаков оказался в условленном месте на полчаса раньше. Томясь в ожидании, заглянул в кафе. В полутемном зале играла музыка. Бармен в белой рубашке, со скучающим видом, подпирал ладонями стойку.

– Кофе и булочку, будьте добры...

Расплатившись, он поискал глазами свободный столик.

Стукнула дверь... Шестеро молодых парней, с шумом и гоготом, гурьбой ввалились в зал. Тиснув на выходе случайно подвернувшихся девушек, компания уверенно направилась к стойке бара.

Двигаясь им навстречу с чашкой кофе в руках, Егор подумал, что проход между столиками узковат и посторонился, давая возможность пройти... Двое уже миновали его, когда третий, без причины, сильно толкнул Ермакова в грудь. От неожиданности Егор едва удержался на ногах. Горячий кофе, выплеснувшись из чашки, обжег пальцы, булка упала на пол и закатилась под стол.

– Эй! Ты чего?! – недоуменно воскликнул Егор.

– Рот закрой! – донеслось в ответ.

Ермаков опешил... Его, жизнью битого-перебитого, вдруг так смертельно обидели. И кто? Какой-то двадцатилетний пацан!

Он подошел, компания напряженно притихла. Тот, что толкнул его, выступил вперед.

– Чего?

– Хочу, чтобы ты извинился.

– Ага, щаз-з!..

Парень стоял перед ним и издевательски ухмылялся. Черная футболка обтягивала мощный, не по годам развитый торс. Круглые бицепсы мячиками выпирали на скрещенных перед грудью руках... Он был спокоен и уверен в себе. Приятели за спиной внушали ему еще большую уверенность.

Численный перевес был на их стороне. Но они не знали Ермакова... На первый взгляд он казался тихим и незлобивым. В обыденной жизни всегда старался избегать конфликтов. Никогда никого не задевал первым. И даже если задели его, предпочитал решать дело миром. Однако всему есть предел... И когда этот момент наступал, Егор напрочь терял инстинкт самосохранения. Ему становилось все равно, кто перед ним и сколько... Если уж он упирался, то сдвинуть его с места было практически невозможно. Даже колонной танков... Раздавить, уничтожить – да! Но заставить отступить хоть на миллиметр – бесполезно. Он умел стоять до конца.

– Извинись, – тихо повторил Ермаков, глядя парню в глаза.

– Ну, что?.. – крепыш в черной футболке обратился к приятелям. – Раз уж он так просит...

– Не возражаем! Согласны!

– Давай, Фрол!

Тот, кого называли Фролом, начал медленно поворачиваться.

«Вот так-то лучше», – удовлетворенно подумал Егор, и в это мгновение желто-зеленые искры фейерверком брызнули у него перед глазами. Сквозь затихающий гул, он услышал обрывки фраз, чей-то смех... Удар по лицу оглушил Ермакова. Он хоть и устоял на ногах, однако на время утратил возможность действовать.

– На колени! Живо! – Фрол схватил его за волосы и, пригибая, ударил кулаком снизу.

В последний момент Егор успел прикрыться, но тут же получил ногой по ребрам. Это помог Фролу кто-то из приятелей.

Рыкнув по-звериному, Ермаков тараном пошел вперед. Фрол замешкался... Егор хлестнул его боковым справа! Тот упал...

Не мешкая, Ермаков ухватил ближайшего к нему парня и броском через спину приложил об пол. Потом ударом ноги свалил другого.

Нападавшие растерялись. Они не ждали такого отпора.

Ермаков оглянулся и увидел, что главный его обидчик, придя в себя, пытается подняться.

«Добить!» – мелькнула мысль. Но что-то остановило его.

О, благородство! Сколько хороших людей погубило ты... Ну что стоило Егору пнуть, как следует этого раскормленного негодяя? Одним ударом решить исход драки... Но он медлил. Не мог заставить себя...

Пока Ермаков раздумывал – время ушло. Парень в черной футболке оправился от удара и, поднявшись, крикнул приятелям:

– Чего смотрите? Мочите!

И те послушно, со всех сторон бросились на Егора.

Он бился с яростью обреченного. Как гладиатор... Удары сыпались слева и справа, вспыхивали в глазах огненными брызгами, отдавались в голове тягучим набатным звоном. Но Ермаков держался... Он тоже бил в ответ и чувствовал, что попадал. Это придавало ему сил. Казалось, еще немного и наступит перелом. Желая приблизить этот миг, Егор решительно бросился вперед, но неожиданно запнулся о распростертое на полу тело. Падая, он заметил занесенную над ним ногу. И последнее, что сумел разглядеть – летящий ему в лицо черный ботинок.

Сознание медленно возвращалось к Егору. Приоткрыв глаза, он опять увидел перед собой эти черные шнурованные ботинки.

«Значит, они все еще здесь? Так... Спокойно... Главное – не выдать себя неосторожным движением... Подниматься быстро, одним рывком!»

Егор оттолкнулся от пола ладонями, но внезапная слабость теплой волной накрыла его, закружила голову, и он бессильно поник на подломившихся руках.

– Гляди, зашевелился! – услышал Ермаков над собой чей-то голос. – А говорят – убили...
– Долго жить будет, – с усмешкой ответил второй.

Егор осторожно приподнял голову... Скользнув взглядом по ботинкам, он посмотрел выше и увидел пятнистые камуфляжные штаны, потом – такую же пятнистую куртку, короткоствольный автомат с оранжевым ярким магазином, и, наконец, – лицо омоновца.

«Милиция! Слава Богу!»

Он сел, потрогал опухшее надбровье. Левый глаз заплыл, на щеке сочилась кровью ссадина, разбитые губы онемели и вздулись.

– Хорошо ребята порезвились... – заметил один из омоновцев и поднял с пола выбитый зуб. – Не твой, случайно?

Ермаков с испугом провел языком по деснам. Убедившись, что зубы на месте, облегченно вздохнул.

Вокруг валялись перевернутые столы и стулья. Уборщица с веником в руках заметала осколки разбитой посуды.

– Ладно, поехали...

– А с этим что делать будем?

– Придется забрать с собой.

«О ком это они? – подумал Егор. – Кого забрать?»

Милиционер поправил на груди автомат и тронул Ермакова за плечо.

– Вставай, жмурик, поехали!

Егор поднялся на ватных ногах.

– Куда ехать?

– Куда-куда... В отделение!

– Зачем?

Омоновец натянул съехавший на затылок берет и уже без улыбки сказал:

– Много вопросов задаешь. Не кажется?

– Постойте! – возмутился Ермаков. – Что за нелепость?

Ведь я не виноват... Просто зашел выпить кофе.

– Документы есть?

Егор беспомощно развел руками. Не было у него документов... Утром, когда чистил пиджак, выложил паспорт и удостоверение в стол. Кто бы знал...

– Раз документов нет, придется проехать.

Эти слова были произнесены спокойно, но с такой непоколебимой уверенностью, что Ермаков растерялся. Он почувствовал себя так, будто попал в жернова какой-то ужасной машины... До сих пор они существовали отдельно, каждый сам по себе: машина где-то далеко крутила свои безжалостные жернова, а он жил обычной жизнью – работал, ел, спал... И вдруг совершенно случайно оказался слишком близко от этой металлической, лязгающей машины, перешел какую-то невидимую грань – и мгновенно превратился из стороннего наблюдателя в жертву.

– Пойдем, – равнодушно произнес омоновец, держа Ермакова за рукав.

Не укладывалось в голове... Почему его должны куда-то вести? По какому праву?.. Словно он неодушевленный предмет.

«Отчего со мной обращаются как с преступником? Разве я в чем-нибудь виноват?»

На улице он вдруг вспомнил, зачем приехал сюда.

«Деньги!» – обожгла внезапная мысль.

Сунувшись в карман, Егор наткнулся на плотный бумажный пакет. Все было на месте. Он успокоился... Не дай бог потерять! Где потом возьмешь сразу столько?

– Прошу! – омоновец открыл перед ним тяжелую металлическую дверь спецавтомобиля. Ермаков нырнул внутрь. Здесь было сумрачно и прохладно.

«Только тюрьмы мне еще не хватало...» – глядя на зарешеченное окно, подумал он.

Глава 9

Резко затормозив, машина остановилась. Послышались оживленные голоса, звякнул засов и заглянувший в проем милиционер скомандовал:

– Вылезай, приехали!

Осторожно ступая по железным ступеням, Егор спустился на землю. Глянув по сторонам, сообразил, что привезли его к отделению милиции.

– Вперед! – не дал осмотреться омоновец. – Руки за спину!

– Я что, уже арестованный? – огрызнулся Ермаков.

Они вошли в помещение дежурной части. За стеклянным барьером, уткнувшись в папку с бумагами, неподвижно сидел высоколобый кряжистый милицейский капитан и что-то сосредоточенно писал. Увидев вошедших, отложил в сторону ручку.

– Серега! Какими судьбами?.. По старой памяти?

– Привет, Степаныч... Ехали мимо, попали на драку в кафе. Вот, принимай...

– Большая драка?

– Так себе...

– Пострадавшие есть?

Омоновец не успел ответить. Доселе молчавший Егор не выдержал:

– Да я и есть пострадавший! Пришел только кофе попить... А они!..

– Тихо-тихо-тихо! – остановил его капитан. – Не шумите, гражданин, разберемся.

Оформление протокола заняло несколько минут, после чего омоновец, доставивший Ермакова, попрощался с дежурным и ушел.

– Я тоже могу идти? – наивно спросил Егор.

– Нет, уважаемый, вам придется пока остаться, – мягко, как доктор больному, сказал милиционер.

– Но почему? Я же все уже рассказал!

– Надо еще установить вашу личность... Кстати, вы случайно не того?

Капитан выразительно щелкнул пальцем по горлу.

– Да вы что! Я даже кофе выпить – и то не успел!

– Глаза у вас как-то странно блестят.

– Если бы вам ботинком по морде заехали, у вас бы еще не так заблестели!

– Но-но! – выпрямил спину милиционер. – Не забывайте!

Он сдвинул в сторону бумаги и, указав пальцем на стол, потребовал:

– Все, что есть в карманах – сюда!

Ермаков замялся.

– Нет у меня ничего. Ключи вот только.

– Все... Все доставай! Выворачивай карманы!

Егор выложил на стол ключи и деньги. Увидев бумажный пакет, офицер оживился.

– Разверни!

– Зачем?

– Как зачем? Вдруг у тебя там наркотики?

Нехотя развернув пакет, Ермаков достал деньги.

– Доллары американские! – радостно воскликнул капитан. – А говоришь – ничего...

– Прошу зафиксировать деньги в протоколе.

– Зафиксируем... Ну а теперь придется подождать...

– Здесь? – Егор кивнул на стоящие вдоль стены стулья.

– В соседнем помещении. Журавлев, проводи!

Молодой светловолосый лейтенант, отложив газету, снял с гвоздя связку ключей.

– Пойдемте!

Чуть дальше по коридору была еще одна комната. На треть она состояла из частокола железных прутьев. Остальное было «зашиито» доской-вагонкой.

Сопровождающий Егора милиционер открыл навесной замок и, толкнув решетчатую дверь, пропустил его вперед.

«Ну и рожи! – подумал Ермаков, входя. – Куда я попал?»

Всего здесь было человек семь. Они настороженно замерли, разглядывая новенького.

– Здравствуйте, – тихо сказал Егор.

– Чего орешь, как ишак! – послышалось из дальнего угла.

Там, на широкой скамье, накрывшись пиджаками, голова к голове, лежали двое черно-волосых мужчин. Ермаков промолчал... Ему совсем не хотелось спорить. Он еще не отошел от недавней драки.

– Эй, сюда не садись! – предупредил его все тот же голос.

– Почему?

– Свет заслоняешь.

Егор нехотя поднялся и перешел на другое место.

– Здесь тоже не сиди!

– А где же мне сидеть? – искренне удивился Ермаков.

– Знаешь, да, гдэ твой мэсто?

До Егора, наконец, дошло, что над ним просто издевается. И мгновенно в груди словно распрямилась стальная пружина.

– Пошел ты!..

– Что-о? – смуглый брюнет так и подпрыгнул. – Что сказал?

С угрожающим видом он двинулся на Ермакова. Ах, если бы знал задира, кого собрался взять на испуг... Неукротимая слепая ярость сорвала Егора с места и бросила навстречу опасности. И опять ему стало все равно – кто перед ним и сколько...

Они сближались, как истребители в лобовой атаке. Ермаков не пугал – он просто шел. Сунув руки в карманы, чуть склонив голову набок... В этом движении чувствовалась такая внутренняя сила и уверенность, что противник не выдержал... Не доходя до Егора, брюнет остановился. Но Ермаков продолжал идти прямо, никуда не сворачивая – лоб в лоб, глаза в глаза.

– Шютка, нэ панимаешь, да?! – темпераментно воскликнул усатый, отступая.

Егор продолжал двигать его взглядом, пока тот не уперся спиной в решетку. Не вынимая рук из карманов, Ермаков свистящим шепотом произнес:

– Чего ты хочешь?.. А?.. Чего хочешь!

В этом отчаянном и страшном шепоте чувствовалась беспощадная сила кумулятивной гранаты, способной прожечь любую броню.

– Ладно, хватит, мужики!

– Перестаньте!

Рядом с ними оказалось сразу несколько человек. Егор развернулся и с достоинством отошел. Он ощущал себя победителем.

Когда страсти поутихли, к нему на скамейку подсел невысокий худенький паренек.

– Здорово вы этого хама на место поставили. Он тут всех уже запарил... Теперь будет знать.

Молодой человек протянул узкую ладонь:

– Вадим.

– Егор.

Они пожали друг другу руки.

– За что вас сюда? – поинтересовался у Ермакова новый знакомый.

– За драку... А тебя?

– Да так... – паренек замялся. – Неудобно даже и говорить...

– Ну, раз неудобно, так и не говори.

– Хотя... Ерунда, в общем... Нужду не там, где надо, справил.

– Только за это?

– Да... А я будто виноват, что нигде рядом даже платного туалета не было. Два милиционера подкатали – плати штраф! Я пошарил – столько нету. Тогда, мол, паспорт давай. А зачем он мне на пляже?.. Ну вот и привезли сюда.

Вадим достал из кармана носовой платок и протер запотевшие стекла очков. Что-то трогательно щенячье было в его беспомощном близоруком прищуре.

– Как вы думаете, в институт сообщат?

– Не знаю, – пожал плечами Егор. – Могут, наверное...

– Стыдно... Ох, как стыдно!

– Ничего, с кем не бывает...

– Ладно бы хоть за драку, как вас... А то ведь ребята, если узнают – прохода не дадут.

Он помолчал, потом с неожиданной горечью произнес:

– Ну, зачем! Зачем они меня сюда привезли?!

В голосе Вадима послышались нотки отчаяния. Казалось, еще чуть-чуть и парень заплачет.

«А я? – подумал Ермаков. – Чего я-то здесь делаю?»

Откинувшись к стене, он устало закрыл глаза. Во всем теле ощущалась тупая ноющая боль. Хотелось пить... Егор провел сухим языком по разбитым, потрескавшимся губам.

Сонная полудрема охватила его. Какие-то лица, обрывки воспоминаний возникли из темноты... Пригрезилось далекое полузабытое детство. Будто опять сидит он в жарко натопленной комнате, разглядывает сказочные, диковинные цветы на стекле. Красное утреннее солнце, отражаясь в наплывах прозрачного оконного льда, зажигает их изнутри рубиновым ярким огнем, отчего гладкие бугристые выступы становятся похожими на обкатанные во рту леденцы... А чуть выше, там, где раскинулись серебристые листья морозного папоротника, солнечный свет преломляется на множество разноцветных сверкающих точек, каждая из которых вспыхивает своим особенным, неповторимым оттенком. Зеленые, синие, желтые, фиолетовые искорки волшебным бисером украшают пейзаж. Бесконечно долго можно любоваться этим чудом... А если взять нагретый пятак и приложить к стеклу, то в круглом отверстии протаявшего льда покажется край улицы. Несколько домов, переметенная дорога, застывшие под снегом деревья, опущенные инеем провода... И небо – такое синее, чистое... Опять из-за морозов отменили уроки. Как хорошо, что никуда не надо идти. Целый день можно заниматься чем хочешь... На столе – раскрытый альбом и новые акварельные краски. На книжной полке – роман про индейцев. По телевизору скоро начнется интересный фильм. А вечером вернется с работы мама и принесет чего-нибудь вкусненького...

«Мама, мама! – подумал Егор, открывая глаза. – Видела бы ты меня сейчас!»

Он приподнялся на жесткой скамейке и выпрямил затекшие ноги. Вадим сидел рядом.

– Что происходит? – спросил Ермаков, указывая на собравшихся возле двери людей.

– Да это лысый дядька всех взбаламутил. Говорит, злой мент на дежурство заступил. Вместо того капитана.

– Откуда ему знать, злой он или добрый?

– Говорит, в прошлый раз на него попал.

Егор прислушался... Упитанный лысоватый мужчина, озабоченно поглядывая сквозь частокол решетки в сторону дежурного помещения, с видом знатока наставлял:

– Сейчас начнет на внутренние работы вербовать. Лучше сразу соглашаться. Иначе...

– Что? – спросили у него.

– Бить будет. Всех, кто останется.

– Так уж и бить?

– Я тебе говорю. А ударчик у него – ого-го! С ног свалит. Натренировался!

Ермаков взглянул на студента. Тот внимательно слушал, о чем говорил лысый.

– Вы думаете – это правда?

– Врет, – уверенно ответил Егор. – Да и потом, чего нам-то переживать? Дольше трех часов нас здесь держать не имеют права.

Сама мысль о том, что в милиции могут избить, казалась Ермакову нелепой. Задержать – да... Пусть даже и несправедливо. Обвинить в чем-то – тоже возможно... Но чтобы бить!? Это не укладывалось в голове.

– Идет! Идет! – прошелестел тревожный шепот. И вслед за тем по коридору раздались тяжелые шаги.

Высокий мужчина в форме старшего лейтенанта показался перед решеткой. Склонившись к замку, он что-то негромко напевал. Ермаков разобрал слова:

«Ап!.. И тигры у ног моих сели!

Ап!.. И с лестниц в глаза мне глядят...»

Он так и вошел, словно дрессировщик в клетку – уверенно, смело. Все встали.

– Граждане алкоголики, тунеядцы и прочие аферисты! Кто хочет поработать?

– Я! – бойко ответил лысый.

– А-а-а! – радостно воскликнул милиционер. – Голова босиком! Ты чего опять натворил?

– Жена сдала!

– Дебоширил?

– Какое там! Разве что самую малость... Зато она мне – во! – сковородой!..

Лысый приподнял верхнюю губу и показал обломок зуба.

Старший лейтенант поинтересовался, кто еще хотел бы заняться общественно-полезным трудом. Но больше желающих не нашлось. Тогда он вызвал охрану и отправил лысого мыть полы. А остальным велел построиться в одну шеренгу.

Егор со студентом оказались крайними на левом фланге. Было непонятно, для чего все это... Милиционер с повязкой дежурного выглядел вполне миролюбиво. Вот только улыбка у него была какой-то недоброй.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился к нему Ермаков. – Меня задержали только для установления личности. Три часа, положенные по закону, прошли. Хотелось бы узнать, когда меня отпустят?

Милиционер удивленно приподнял тонкие черные брови.

– Это кто тут такой? Ты, что ли, законник?

Он приблизился и окинул Егора цепким взглядом. Пухлые красные губы были слегка приоткрыты, в темно-синих глазах застыла наглая усмешка.

– Как фамилия?

– Ермаков.

– Драка в кафе?... А ты знаешь, что за это полагается? Статья двести шестая, часть вторая...

– Но я не виноват. На меня напали. Я вынужден был защищаться.

– Это все до фени... Привезли-то тебя. Значит, ты и ответишь.

– За что?

– Да хотя бы за разбитую посуду и поломанную мебель.

«Вот попал! – подумал Егор. – Где же я денег возьму?»

Старший лейтенант отошел в центр и застыл перед строем. Только сейчас Ермаков заметил, какие длинные у него руки. Форменный китель сидел на нем так, что рукава не доходили

до запястий. Тяжелые волосатые кулаки болтались где-то возле колен. Это делало его похожим на обезьяну.

В коридоре слышались шаги. Сквозь прутья решетки Егор увидел проходивших милиционеров. Один из них заглянул в приоткрытую дверь.

– Левый! Опять своих арестантов тренируешь?

– Иди, иди мимо! – отмахнулся дежурный.

«Какая еще тренировка? – встревожился Ермаков. – Что он хотел этим сказать?»

А старший лейтенант между тем подошел к противоположному концу шеренги и приказал крайнему:

– А ну, каторжанин, попрыгай!

– Зачем? – изумился тот.

– Посмотрю, какой из тебя спортсмен.

Чувствуя какой-то подвох, мужичок недоверчиво покосился на милиционера. Однако слушаться не посмел.

– Еще!.. Еще!.. Выше! – подзадорил его старший лейтенант – и вдруг коротко, без замаха, ударил прыгуна кулаком в живот. Мужик сложился пополам и рухнул на пол.

Переступив через него, дежурный поправил повязку и подошел к следующему. Тот испуганно отшатнулся.

– Чего дергаешься? Стой спокойно.

– Я стою... – робко произнес долговязый парень, не спуская с милиционера настороженных глаз.

Милиционер отступил на шаг и развел руками, как бы желая показать, что ничего плохого не замышляет. Парень поверил... И тут же резкий удар ногой в грудь отшвырнул его к стене.

Старлей двинулся дальше и, приблизившись к очередному, почему-то не ударил, а лишь слегка потрепал по щеке. Арестант конвульсивно втянул голову в плечи... Это походило на игру в рулетку, когда неясно, кому что выпадет. Только решал здесь не случай, а именно он – дежурный милиционер. Было видно, что ему это нравится. Глаза у него горели лихорадочным нездоровым блеском. Егор вспомнил, где он видел похожий блеск... Много лет назад соседский пацан принес на дворовые посиделки клетку с крысой. Зачем? Оказалось, чтобы повеселиться... Ухватившись стальными пассатижами за кончик крысиного хвоста, он с наслаждением наблюдал, как пищит и корчится от боли бедное животное. В отчаянии крыса бросалась на прутья, бессильно грызла их продолговатыми желтыми резцами, но избавиться от мук не могла. Когда кончик хвоста превратился в окровавленное мочало, сообразительный затейник взялся пассатижами поближе к основанию... На свою беду крыса оказалась слишком живучей. Уже без хвоста, с раздробленными задними лапками, она все еще дышала и жалобно попискивала... Никто не встал и не набил ему морду. И не только потому, что он был старше и сильнее. Просто могли не понять. Кого пожалел? Крысу!..

– Не имеете права! – срывающимся голосом произнес Вадим, отступая перед приближающимся старлеем. – Я не преступник... Я нормальный человек!

– Все нормальные сейчас дома телевизор смотрят.

– Я буду же...

Удар в живот оборвал его на полуслове. Согнувшись, он упал на колени. Очки соскользнули с носа и хлопнулись об пол.

Милиционер шагнул к Егору.

«Если ударит – вцеплюсь в глотку! И будь, что будет...»

Старший лейтенант остановился напротив, смерил Ермакова долгим изучающим взглядом.

– Ладно, – проговорил он. – Живи...

Егор почувствовал, как у него ослабли ноги. Захотелось сесть прямо на пол.

Когда за милиционером закрылась решетчатая дверь, все разом оживились. Смеясь и подкалывая друг друга, принялись обсуждать случившееся. Только студент тихо сидел в стороне.

– Все еще не отошел? – спросил у него Ермаков.

– Болит... – чуть слышно ответил Вадим.

Он беспомощно поморгал подслеповатыми глазами и надел очки, отчего вид у него стал еще более жалким. Правая линза после удара об пол покрылась паутиной мелких трещин, так что студент мог теперь смотреть только одним глазом.

– Ничего... – бодро сказал Егор. – До свадьбы заживет.

– Не знаю.

– Брось хандрить! Никогда в поддых, что ли, не получал?

Никогда... Я и не дрался ни разу.

– Ну, ты даешь! Неужто правда?

– Угу.

– Понятно... Это дело такое... Учись терпеть.

Вадим прилег на скамью и, подтянув колени к груди, закрыл глаза. Ермаков сунул ему под голову свой пиджак.

– Не надо, – попробовал возразить студент. – Помнется...

– Пустяк! – отмахнулся Егор.

Ему и в самом деле было нисколько не жаль пиджака. Чего жалеть? Все равно костюм уже безнадежно испорчен, мало того, что весь в сметане, так еще в драке рукав чуть не оторвали. Да и на спине, меж лопаток – прореха... Выбросить и забыть!

«Вот только в чем на работу ходить буду? Надо было хоть пиджак купить... Прособи-рался... Теперь, когда еще деньги получу. Разве что занять?»

Он прикинул, где бы одолжить денег. Вариантов оказалось немного. Ведь у него в этом городе не было ни родственников, ни друзей.

«Ладно, как-нибудь выкручусь», – успокоил себя Егор.

От тягостных мыслей защемило сердце. Он потер грудь ладонью и в кармане рубашки нашупал маленький бумажный катышек. Осторожно развернув, грустно вздохнул. Это были старые театральные билеты. Вспомнилось, как сидели с Яной рядом, как он держал ее руку в своей... Егор представил, что она делает сейчас. Может быть, пьет на кухне чай, а может – уже спит... Он обязательно расскажет ей о своих злоключениях. И они еще вместе посмеются...

– Простите... – чуть слышно произнес студент. – Не знаете, медпункт здесь есть? Или врач хотя бы...

– Зачем?

– Худо мне... Живот... И дрожь во всем теле.

Вадим улыбнулся виновато. словно извиняясь, что обеспокоил таким пустяком... На бледном осунувшемся лице мелким бисером выступили капельки пота.

Подойдя к решетчатой двери, Егор взялся за стальные холодные прутья и с силой потряс. Навесной замок с металлическим лязгом забарабанил по проушине.

– Эй! Кто-нибудь!

– Чего надо? – донеслось издалика.

– Человеку плохо! Вызовите врача!

После короткой паузы в коридоре послышались неторопливые шаги. Старший лейтенант облокотился о решетку.

– Кому тут врача?.. Тебе?

– Вон, на лавке лежит.

– Заболел? Сейчас я его полечу!

– Вы его уже и так полечили...

– Что?

– После вашего удара слег... Врача надо. А то, как бы хуже не было.

Отперев замок, милиционер склонился над Вадимом. В его глазах мелькнуло едва заметное беспокойство. Он тронул студента за плечо.

– В чем дело?

Вадим свесил ноги со скамьи. Морщась от боли, с трудом сел.

– Живот болит... Терпеть не могу.

– Что ты здесь дурака валяешь! – прикрикнул на него старлей. – Симулянт!.. Подумаешь, попало...

– Правда, болит.

– Ну, если врач ничего не обнаружит!.. Высушу и вытрясу!

Через несколько минут дежурный вернулся в сопровождении плотного небритого мужчины в белом халате. Жидкие кольца рыжих волос обрамляли крупную лобастую голову.

Врач попросил студента раздеться до пояса, уложил на спину и принялся короткими толстыми пальцами мять его впалый живот. Зажмурив глаза, Вадим терпеливо сносил неприятную процедуру. Но едва доктор подобрался к правому подреберью – громко вскрикнул и мучительно застонал.

После осмотра врач с дежурным вышли в коридор. Не было слышно, о чем они говорили... Вскоре старлей вернулся.

– Живешь далеко?

– Не очень.

– Можешь идти домой.

– Давно бы так...

Вадим поднялся, но почти тут же бессильно осел на скамью.

– Голова кружится. Не дойти мне... Машину дайте.

– Может, тебе еще эскорт мотоциклистов выделить?

– Тогда никуда не пойду! Здесь останусь.

– Ладно, не дури...

Милиционер быстро глянул по сторонам.

– Вот ты! – он ткнул пальцем в Егора. – Проводишь его до дома. И тоже – свободен.

Поддерживая студента, Егор вышел с ним в коридор. Возле дежурки поинтересовался:

– Как насчет изъятых вещей? У меня ведь даже ключа от дома нету.

Старший лейтенант достал из сейфа его ключ.

– А деньги?

– За деньгами придешь завтра. С паспортом... Пусть пока у нас полежат. Никуда не денутся.

На дворе была уже глубокая ночь. Они шли по темным улицам, словно крепко поддавшие друзья. Или того больше... Двусмысленность ситуации позабавила Вадима.

– Никогда еще с мужчиной в обнимку не ходил... Что люди подумают?

На свежем воздухе ему стало легче. Глядя на него, Егор тоже повеселел.

– А знаешь, у меня случай был... – вспомнил он, – Звонит как-то приятель: «Выручай – сын жениться надумал» – «Поздравляю, – говорю. – Только я здесь при чем?» – «Ты ни при чем, – отвечает, – проблема одна имеется... Невесте еще восемнадцати не исполнилось. Надо пойти в загс, договориться» – «А ты сам-то что, не можешь?» – «Я в командировке, из Ташкента звоню. Никак не вырваться... К свадьбе только приеду. Ты уж похлопочи...» Ну что тут будешь делать? Надо друга выручать... Пошли мы с его сыном в загс. А там народу полно. И, что характерно – все парами... Очередь заняли, сидим, ждем. Только чувствую, в нашу сторону все так и косятся. Сначала подумал – может, в одежде непорядок? Нет, вроде все на месте... Потом наша очередь подошла. Я еще и рта не успел раскрыть, а тетка толстая, вся как ново-

годняя елка золотом обвешанная, уже интересуется: «Что вас привело? Слушаю». И смотрит при этом так, будто рентгеном просвечивает. Я говорю: «Вот, пришли посоветоваться» – «А что такое?» – «Да заявление хотим подать» – «Какое заявление?» – «На регистрацию брака». У тетки челюсть так и отпала. А я продолжаю: «Видите ли, тут дело такое, деликатное... В некоторой степени нарушающее общепринятые нормы... Требующее особого подхода...» По выражению ее глаз начинаю понимать, что говорю что-то не то, но остановиться не могу: «Войдите в наше положение... Помогите... В качестве исключения...» Здесь до меня, наконец, доходит смысл всех этих сомнительных высказываний. Я вижу себя со стороны в обществе этого смазливового мальчика и, не закончив фразы, начинаю ржать. Ко мне присоединяются сын приятеля и сама работница загса, и мы все вместе хохочем до слез. Думаю, со дня основания стены этого кабинета не слышали ничего подобного...

Они выбрались на широкую, хорошо освещенную улицу, по сторонам которой мрачными серыми исполинами возвышались многоэтажные дома. Редкие пятнышки окон светились в темноте.

– Вот здесь я и живу... – указал Вадим на крайнюю многоэтажку. – Еще никогда так поздно домой не приходил.

– А как же ты с девушками гуляешь?

– Нет у меня девушки... Пока...

Возле подъезда они увидели женский силуэт.

– Мама!.. – сконфуженно прошептал Вадим. – Вы только ей пожалуйста, не говорите, где мы были.

– Ладно, – пообещал Егор. – Не скажу.

Глава 10

Всю ночь Ермакова мучили кошмары. Снилось, будто преследует его большая черная собака. И куда бы ни скрылся он, куда бы ни спрятался – всюду она оказывалась рядом. А под конец и вовсе превратилась в очкастого тонкошеего студента.

«Приснится же такая гадость!» – передернул плечами Егор.

Он хотел почистить зубы, но после нескольких неудачных попыток открыть рот оставил эту затею. Нижняя челюсть отзывалась тупой ноющей болью... Плеснув в лицо воды, Ермаков посмотрел на себя в зеркало. Лиловый синяк красовался под правым глазом, на щеке кровью запеклась багровая ссадина, губы ужасающе вздулись и потемнели. Мысль о том, что придется идти на работу, повергла его в отчаяние.

«Что я там делать буду? Клиентов отпугивать?»

Но в рабочем столе лежал паспорт, без которого в милиции нельзя было получить изъятые деньги. Выбора не оставалось.

Всю дорогу в автобусе он стыдливо прикрывался газетой. Во взглядах окружающих таилось молчаливое осуждение. Да и как еще можно смотреть на человека с такой физиономией? Каждому ясно – алкоголик и хулиган. От таких надо держаться подальше... Хотя, если разобраться, что постыдного он совершил? Ничего! Повел себя как настоящий мужчина. Достоинство ответил на унижение. А в результате?.. Это только в кино можно умиляться отвагой героя. Это только там синяки и ссадины могут украшать настоящего мужчину... В жизни все наоборот. Побитое лицо – признак порока. Не может нормальный мужчина ходить с «фингалом»... Значит, выгоднее быть трусом? Подумаешь, проглотил бы вчерашнюю обиду. Никто бы ничего и не узнал. Зато ехал бы сейчас, как все нормальные люди, не пряча глаза. И, может быть, женщина, что сидит напротив, не отворачивалась бы презрительно. И деньги были бы отданы вовремя, и насчет работы бы не переживал. Так что же, выходит, все зря?

Ермаков тяжело вздохнул. Не хотелось думать об этом.

Охранник на входе, не узнав, преградил дорогу.

– Привет, Паша, – тихо сказал Егор.

– Ты-ы?! – удивился Зименков. – Ни фиги себе!.. Где это тебя так?

– Долго рассказывать... Шеф на месте?

– Еще не подъехал.

– Слушай, я сейчас только документы из стола заберу – и назад. А ты, если спросит, скажи: был, мол, с утра... Потом по клиентам...

– Скажу... Но ведь он завтра тебя все равно увидит.

– Завтра – это не сегодня. Что-нибудь придумаю.

С паспортом Ермаков поспешил в милицию. Не терпелось получить назад свои деньги.

По дороге он представлял себе, как войдет и что скажет? Но когда переступил порог райотдела – растерялся... За столом сидел незнакомый милиционер.

– Я тут вчера был... Деньги в сейфе остались... Сказали утром с паспортом придешь...

– Как фамилия?

– Ермаков... Егор Александрович.

Дежурный офицер взял со стола связку ключей и вышел в смежную комнату. Через минуту вернулся.

– Нет там никаких денег.

– Как это нет? – опешил Егор.

– Так... Нет и все.

У Ермакова зашлось сердце.

– И что теперь?

– Не знаю...

– Но ведь были! Были деньги!.. И старший лейтенант, что на вашем месте сидел – обещал... Говорит, приходи с паспортом... Его еще как-то странно звали – Левый...

– Ничего странного. Фамилия у него такая – Левый.

– Ну вот! Я и говорю!.. Старший лейтенант Левый вам подтвердит. Были ключи и деньги...

– Не знаю, – пожал плечами милиционер. – Посмотри, может, он еще домой не ушел. Где-нибудь здесь...

Егор отправился на поиски. Левого нигде не было... Но почти нос к носу он столкнулся в коридоре с капитаном, который оформлял изъятие. Еще до того, как на дежурство заступил Левый.

– Товарищ капитан! – обрадовался Егор. – Можно вас на минутку? Вы меня помните? Вчера омовцы доставили за драку в кафе. Вы протокол оформляли.

– И что? – капитан окинул его недоверчивым взглядом.

– Вы еще деньги туда записывали.

– Доллары?

– Точно!.. Ну вот, вспомнили!.. Помогите, прошу вас...

Они вместе вошли в дежурку. Капитан попросил дать ему протокол. Внимательно прочитав, милиционер потемнел лицом и сдвинул брови.

– Что? – предчувствуя неладное, тревожно спросил Егор.

– Ничего... – сухо ответил капитан. – Никаких денег при вас не было.

– Как не было? Но вы же сами... Только что...

– Вот протокол. Вот ваша подпись.

Ермаков быстро взглянул на собственный росчерк. Да, подпись была, несомненно, его. Но протокол... Другой лист! У того, помнится, чуть-чуть был надорван уголок.

«Стоп! – осенило его. – Когда я вчера ключи забирал, он же мне для росписи какую-то бумагу подsunул. Вот оно что! Как же я так опростоволосился?»

– Документы ваши дайте сюда, – сказал через стекло милиционер.

Ермаков просунул в окошечко паспорт. Переписав данные, дежурный протянул его обратно.

– Возьмите... Повестку вам по почте пришлем или с посылным.

– Какую повестку?

– Обыкновенную... Вы что, думаете, у нас в общественном месте можно просто так хулиганить? Ошибаетесь... Отвечать придется.

– За что отвечать?

– За хулиганство... В тюрьму, может, на первый раз не посадят, но штраф заплатите.

– А как же... Что же... – слова застряли у Ермакова в горле. Он попытался что-то сказать, но не смог. Глаза заволочла мутная горячая пелена, губы скривились, задрожали. По щекам ручьями хлынули внезапные слезы.

– Идите! Идите! – отвернулся милиционер.

Егор брел, сам не зная куда. Душа словно окаменела, ноги не слушались... Ермаков понимал – случилось что-то непоправимое, но всех последствий не мог еще осознать.

Добравшись до дома, он, не снимая ботинок, прошел в комнату и ничком упал на диван. Долго лежал так, не двигаясь, словно мертвый, пока телефонный звонок не вернул его к действительности.

– Алло, – едва шевельнув губами, тихо произнес Егор.

– Кто это? – неуверенно поинтересовались на том конце.

Он узнал голос хозяина квартиры.

– Я... Егор...

– Ты? Ну, спасибо, удружил!.. Я срываюсь из гостей, лечу к нему на встречу, жду, как последний дурак. А он?.. Нет, чтобы позвонить, предупредить... Мол, так и так, денег нет, давайте в следующий раз... Это еще можно было понять. Но ведь даже не позвонил! Я сорок минут прождал! Сколько ты мне уже не платишь? Третий месяц?.. Или думаешь, мне деньги не нужны? Лето на носу, разгар курортного сезона. Знаешь, сколько сейчас квартира стоит?.. Все, терпенье мое лопнуло! На хрен мне нужен такой жилец! Выметайся!.. Ты слышал, что я тебе сказал? Вы-ме-тай-ся!.. Ключ оставишь на столе. Если до утра сам не съедешь – выброшу на улицу силой!

Ермаков удрученно молчал. Никогда еще хозяин квартиры – пожилой, обходительный человек – не говорил с ним таким тоном. Это окончательно добило его. Он опустил трубку и сел прямо на пол.

«Куда я пойду? Где буду жить?»

Егор заставил себя подняться и начал собирать вещи. Все, что у него было, вместилось в чемодан и большую дорожную сумку. Ну и еще пакет всякой мелочи – зубная паста, щетка, мыло, лезвия для бритвы...

«Неужели это все, что нажил? Не густо... Кому ты нужен с таким приданым?»

Захлопнув за собой дверь, Ермаков с вещами спустился вниз. На выходе из подъезда столкнулся с соседкой, Марьей Ивановной.

– Далеко ли собрался? – поинтересовалась она.

– В командировку, – соврал Егор. Отчего-то не смог ей сказать, что съезжает отсюда насовсем.

– Ой, а что у тебя с лицом?!

– Упал...

Перехватив поудобнее чемодан, Ермаков быстро пошел прочь. Куда он идет, ему было безразлично. Ноги сами несли...

В раскаленном воздухе витал запах нагретого асфальта. Прохожие были квелими от жары. Вскоре Егор почувствовал усталость. Пальцы с трудом удерживали тяжелую поклажу. Нестерпимо хотелось пить.

Заметив поблизости свободную скамейку, он решил немного передохнуть. Из-за густой зелени раскидистых деревьев солнце не доставало сюда. Поэтому здесь было прохладней... Ермаков поставил вещи на сиденье и осмотрелся. Рядом в ларьке продавали пиво.

«Хорошо бы, холодненького...» – с вожделением подумал он и полез в карман за деньгами.

Надо сказать, что денег у него было немного. Вернее даже – не было совсем. Так, какая-то мелочь... Но к концу недели Егор рассчитывал получить свои проценты от крупной сделки.

Купив запотевшую бутылку пива, Ермаков прислонил ее к краю скамейки и ударом ладони сбил с горлышка пробку. Пена с шипением рванулась наружу... Он жадно припал к бутылке, с наслаждением ощутив во рту горьковатый вкус ледяного напитка.

Легкий хмель закружил голову. Стало как будто неважно – где он и что с ним. Просто хорошо было сидеть вот так, в тени высоких деревьев, и думать о каких-нибудь пустяках.

Сколько всякого мусора... Обрывки бумаги, фантики от конфет, заколка для волос, ржавая металлическая пуговица... А ведь каждая из этих вещей имеет свою жизнь, свою историю. Вот хотя бы старый пожелтевший окуроч... С прошлого года, видимо, здесь лежит. Какой-то человек курил сигарету, пускал дым и вот так же смотрел по сторонам. Потом бросил окуроч, встал и ушел. Быть может, его самого давно уже нет, а этот окуроч остался...

Ермаков не заметил, как начало смеркаться. Вдоль дороги зажглись уличные фонари. Прохожие куда-то исчезли, приглушенными стали звуки; на смену недавней жары пришла вечерняя прохлада.

«Где буду спать? Вот здесь, на этой скамейке?»

Забрав свои вещи, он двинулся в сторону вокзала. Лязг вагонных автосцепок, свистки маневровых тепловозов – все это напомнило ему о прошлом. Когда-то давно он жил в доме напротив железной дороги и привык засыпать под грохот проносящихся мимо поездов.

На вокзале и вокруг него было оживленно. Пассажиры, провожающие, встречающие... Егор с чемоданом и сумкой растворился среди них. И ему тоже захотелось куда-нибудь уехать. Вот только куда?

У него нашлись еще деньги на камеру хранения, и он с облегчением избавился от обременительной ноши. Пару дней теперь можно было пожить налегке. А потом, глядишь, и с жильем что-нибудь решится. Ермаков хотел остаться на ночь в большом и светом зале ожидания, с телевизором и цветами на подоконниках. Но оказалось, что туда без билета не пускают. Пришлось довольствоваться скромным помещением для пассажиров пригородных электричек.

Устроившись поудобнее на жестком сиденье, Егор вытянул ноги и закрыл глаза.

Глава 11

В своей конторе Ермаков появился одним из первых. Он специально пришел пораньше, чтобы без нужды не мелькать на виду.

Особенно ему не хотелось встречаться с генеральным директором. Уж если охранник Зименков пришел в изумление от его внешности, то чего ждать от начальства.

Уединившись в кабинете, Егор открыл ежедневник. Итак, что ему предстояло на сегодня?.. Сделать десяток обычных звонков, уточнить кое-какие детали, определить время возможных встреч. Это несложно. Только со временем надо определиться. Через неделю, не раньше. Пока синяки не сойдут, с клиентами лучше не встречаться... Так, что еще? Выезд во второй половине дня для подписания договора. Нет, ни в коем случае! Надо позвонить, перенести на конец следующей недели. Все... Теперь главное – найти новое жилье. Хотя бы на время.

К обеду Ермаков опросил знакомых, но ничего подходящего для себя не нашел. Это его огорчило. Однако он не терял надежды. Можно попробовать позвонить по объявлениям. Вон их сколько! И все предлагают – кто квартиру, кто комнату. Но не успел он взяться за телефон, как дверь в его кабинет распахнулась.

– Шеф приехал! Тебя требует! – взволнованно сообщил Васин.

Поднявшись по широкой белой лестнице на второй этаж, Егор остановился перед кабинетом директора. Уже одно то, что генеральный не позвонил по местному, не зашел сам, а пригласил через посыльного, не обещало ничего хорошего.

– Здравствуйте, – тихо сказал Ермаков. – Вызывали?

Директор слегка приподнялся в кресле. Левая бровь, взметнувшись вверх, изогнулась вопросительным знаком... Егор смутился. Он понимал, что выглядит неважно: мятая рубашка, неглаженные брюки, лицо, заплывшее от побоев. Но что тут можно сделать?

– Ну и вид у вас... – брезгливо поморщившись, выдавил генеральный.

Ермаков промолчал. Издевательский тон начальника отбил у него всякое желание оправдываться.

– Что, нечего сказать? Посмотрите на себя в зеркало. До чего докатились! И это – ведущий менеджер страховой фирмы... Кого вы собираетесь страховать? Только последний идиот, глядя на вас, подпишет под договором... Где вы были вчера весь день?

– Работал.

– Но на рабочем месте я вас не видел.

– Ездил по фирмам.

– С таким лицом? В таком виде? Ну-ну... Знаете что, Егор, а не поработать ли вам простым агентом? Временно... А за вас пока будет Леночка Румянцева. Не возражаете?

Все поплыло у Ермакова перед глазами... Леночка! Эта шумливая глупая баба. Станет командовать им, указывать, давать нелепые советы... Худшего и представить было нельзя.

– Согласны? Замечательно... А сейчас идите домой, переоденьтесь... Ну, чего вы стоите?

– Некуда идти... Дома нет.

– Как это нет? Где же вы ночуете?

– На вокзале.

– Что? – в глазах директора отразилось изумление. – На вокзале?!

Егор усмехнулся. Ему было уже все равно. Работать под началом Леночки он не собирался.

– Дайте чистый лист.

– Зачем?

– Заявление хочу написать. По собственному желанию.

– Что ж... Может быть, это и правильно. Не буду вас удерживать.

Генеральный передал ему чистый лист. Достав из кармана авторучку, Ермаков присел за стол.

«Теперь все... – подумал он, глядя, как директор ставит под заявлением размашистую подпись. – Свободен... Как муха в полете».

Вернувшись в свой кабинет, Егор начал собирать вещи. Чашка, ложка, обувная щетка, набор фломастеров, еще какая-то мелочь... И тут взгляд его упал на телефонный аппарат. Захотелось позвонить Яне.

Набрав номер, Ермаков с замиранием сердца услышал протяжные гудки. Пальцы судорожно впились в трубку.

– Алло, – донесся до него знакомый голос.

– Яночка, здравствуй! Это я, Егор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.